

Теннадий Мурзин

ВСЕЛЕННАЯ
ДЛЯ
ОСЛУЖИВКОВ

Уральский
криминальный роман

Геннадий Мурзин Виселица для ослушников. Уральский криминальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488233

ISBN 9785449621764

Аннотация

Итак, частный детектив в отпуске: отдыхает в Севастополе. На пляже знакомится с другим отпускником, оказавшимся также уральцем. Перед самым отъездом знакомец случайно узнает, что его сын бесследно исчез. Детектив успокаивает, говоря, что полиция быстро найдет, что, скорее всего, парень в загуле. Отец отнесся скептически и попросил, если возникнет необходимость, помочь. Чем закончится детективная история?

Содержание

Глава 1. На побережье Черного моря	7
Хлопоты	7
Отдыхающий	14
Наорали	20
Землячок	28
Тревога	34
Глава 2. Советуют отцу: не суетиться. Но как, если?..	44
Убаюкивания	44
Фирмачка	50
Свидание	55
Прощение	59
Служаки	66
У прокурора	70
Глава 3. Иллюзии насчет власти растворились и...	77
Отпускник	77
В Екатеринбурге	82
Дружище	88
Глава 4. Дни, напоённые тревогой	98
Опознание	98
Воспоминания	110
Глава 5. Стратегия и тактика частного детектива	123

Пассажиры	123
Стратегия	131
Недоверие	141
Глава 6. Детектив окунается в провинциальную жизнь	155
Визит	155
Тусовщики	163
Изучение	171
Травма	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Виселица для ослушников Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Фотограф Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2019

© Геннадий Мурзин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-2176-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Севастополь. Геннадий Иванович Мурзин, писатель. Ноябрьское фото 2018 года.

Глава 1. На побережье Черного моря

Хлопоты

– Эти сборы недолги —
От Урала до Крыма —
Я баулы готовлю в полет.

Фомин, мыча себе под нос эту переделку, бродит по квартире, а в голове его один-единственный вопрос: не забыл ли чего-нибудь?

Жена ворчит:

– Недолги, говоришь? Вторую неделю копошишься.

– А как же!.. Надо... В Крыму – бархатный сезон и господин отдыхающий должен быть в полной боевой, – парировал муж и загадочно ухмыльнулся, а потом к тому же намекнул. – На тамошних пляжах – такие нимфы, такие... Взглянешь – и готовенький... Бери мужика голыми руками.

Жена, покачав головой, хмыкнула.

– Тебя? Брать? Нимфам? Нужен ты им, старый гриб. Даже и не взглянут.

Муж остановился. Повернувшись к жене, которая, по его

глубочайшему убеждению, принижает мужа, недооценивает его потенциал, нахмурился и сделал вид, что обижен сильно.

– Я? А что я? – Фомин даже похлопал себя по могучей груди, отчего та глухо загудела. – В норме... Да... Вполне... Пригожусь... Сойду, при случае, за первый сорт.

Жена, скептически окидывая мужа ироническим взглядом, проворчала:

– Конечно, сойдешь, но разве что за неликвид.

– Скажешь тоже...

– Виски посеребрились, а ума по-прежнему ни на грамм.

– Не забывай, матушка: старый конь борозды не испортит.

– Да будет тебе, – жена махнула рукой, – тысячный раз слышу от тебя. Ничего более свежего не придумал?

– Народная мудрость не стареет и тебе, – он решил-таки подколоть жену, – как филологу со стажем следовало бы, согласишься, это знать.

Столь милые пикировки между мужем и женой случаются часто, но к скандалу между ними никогда не приводят. Вот и сейчас... Фомин подошел к жене, взял за плечи, притянул к себе. Поглаживая по ее начавшим сесть, но всё еще густым волосам, чмокнул в щечку, провел пальцами правой руки по подглазью, где собрались естественные морщинки, прошептал в ухо:

– Да десяток нимф все вместе не сравнятся с тобой, моя любимая женушка. Ты не комсомолка и не спортсменка, но зато первая красавица.

Что происходит в этом доме? Насчет Крыма – это не шутка? К счастью, нет. Директор частного детективного агентства «ФАС»¹ Александр Сергеевич Фомин решил дать себе отдых. По правде говоря, не его это решение, а Галины Анатольевны, то есть жены: муж долго отбрыкивался, сыпал аргументами, однако жена настояла-таки на своем. Ее основной довод в пользу отдыха заключался в том, что муж три года подряд крутится как белка в колесе. Ну и вопрос: сколько же можно?!

Куда предпочтительнее, по мнению мужа, если бы отправились отдыхать вместе, но проблема: агентство на клюшку не закроешь, тем более, на месяц. Народ поторкается да поторкается в вечно запертые двери офиса – и плюнет, посчитав, что серьезные люди так с потенциальными клиентами не поступают. Агентство имеет имя, стало популярным, от заказчиков нет отбоя. Фомин серьезно подумывает об увеличении штата сыщиков. По крайней мере, считает он, должен быть помощник, человек на подхвате, которому бы можно было поручать дела не самые сложные. Это будет потом, а пока...

Жена остается, так сказать, на хозяйстве, а муж сегодня летит вечерним рейсом Екатеринбург – Симферополь. Прямые авиарейсы открыты лишь месяц назад, а до этого отды-

¹ Название образовано из первых букв фамилии, имени, отчества владельца и для детективного агентства многозначительно (*здесь и далее – примечания автора*).

хающим приходилось делать пересадку в Москве. Сейчас же три часа полета – и ты в столице Крыма. Удобно. Да, удобно, но...

Накладно все-таки. Только проживание (отдельная комната со всеми удобствами, которую подобрала через Интернет Галина Анатольевна) обойдется в тридцать тысяч рублей. А дорога, питание, посещения музеев и исторических достопримечательностей – плюс, как минимум, полста тысяч. Не копейка! Не олигарх, чтобы мусорить деньгами. Они не наворованные, а заработанные умом, потом.

Жена поначалу советовала остановиться в Алуште, где, по мнению бывалых отдыхающих, открытое море и хороший берег, но муж выбрал колыбель Черноморского флота – Севастополь, город великих подвигов русских солдат и моряков, историческое место, где он, Фомин, никогда не был и где давно мечтал побывать.

Избранное женой жилье находится в самом начале Античного проспекта. Как сказал хозяин квартиры, где будет обитать детектив все тридцать суток, он будет каждое утро из окна видеть остатки древнейших жилищ, которым более двух тысяч лет и которые принадлежали греческим сенаторам. Ну и самое главное – в пяти минутах от черноморской бухты «Омега», облюбованной приезжими отдыхающими.

На его хмыканья жена так и сказала:

– Почувствуй себя барином... Имеешь право.

Муж, помнится, возразил:

– Право, да, имею, но могу ли?.. В октябре – свадьба Максимки, сына... Расходы какие...

Жена и тут успокоила, пошутив:

– Я кто у тебя? – не дождавшись на этот раз обычной реакции мужа, сама же ответила. – Финансист! Сведя дебет с кредитом, пришла к выводу: в бюджет уложимся. С трудом, но... Максимка на моей стороне и считает, что свадьбой пыль в глаза пускать – не стоит. Квартира у него своя, обстановка кое-какая есть. Что еще надо?..

Фомин сказал:

– Для первых шагов – нормально. А подарит внука – обещаю иномарку. Как минимум, «Шкоду» последней модели.

Жена усмехнулась.

– Ловлю на слове.

Фомин обидчиво заметил:

– Меня, матушка, ловить не надо: все, что обещаю, – делаю. Пора бы в этом убедиться.

Жена уточнила:

– А если девочка?..

– Так это... Невестка – чудо как хороша... Всё при ней...

И... Если в мать, то внученьке не нарадуюсь...

Жена хитро подмигнула.

– Значит, тоже?..

Фомин рассмеялся.

– Без разницы! – воскликнул он и вновь сунул нос в распахнутый настежь большой кожаный чемодан. – Не забыла

положить лосьон после бритья?

Жена хмыкнула.

– Нашелся контролер. Если бы не я, то улетел бы с пустым чемоданом.

В половине четвертого вся семья была в сборе. Как-никак проводы. Максимка притащил Клашеньку, невестку, а Юлька, дочурка, – Глеба, своего парнишку. Фомин настоял, чтобы до аэропорта не провожали: старик, дескать, но не до такой же степени. Перед уходом главы семейства все присели и провели минуту в молчании. У порога стали прощаться.

Тут Клашенька, смущенно опустив голубенькие глазки, попросила:

– Александр Сергеевич, привезите, если будет не трудно, ракушек, а?

Фомин рассмеялся.

– Все, что угодно, Клашенька. Все, что угодно.

Невестка зарделась. В семье не первый раз, а все равно смущается: никак не привыкнет к своему новому статусу, к статусу невесты.

В одной руке Фомина – тяжеленный чемодан, но ему он точно пушинка, а другой рукой держится за дверную ручку. Галина Анатольевна шутливо грозит мужу пальцем.

– Не шали там...

Фомин ответил шуткой на шутку:

– Мужуку и не пошалить на Черном море? Но это невозможно!

– Только попробуй! Три шкуры я с тебя спущу и голым в Африку пошлю.

Все рассмеялись.

...В 19.00, точно по расписанию, «Эрбас» поднялся в воздух и взял курс на юг.

Фомин, взглянув в иллюминатор, вздохнул. День выдался погожим. Под крылом проплывал его родной Екатеринбург. Он еще раз вздохнул. Похоже, уже скучает по тем, с кем только-только попрощался. Его понять можно. С любимыми разве легко и просто расставаться?

Отдыхающий

Господин отдыхающий, три дня назад прибывший из Екатеринбурга на базу, то есть в Севастополь, успел освоиться. И чувствует себя превосходно. Как на своей малой родине. Имеются, правда, некоторые нюансы, не брать во внимание которые не может. Во-первых, много думает о жене и детях, находящихся сейчас от него за четыре тысячи километров – расстояние немалое. И как бы ни было здесь хорошо, однако дома все же лучше. Во-вторых, на Среднем Урале первые числа сентября обычно дождливые и по ночам бывают заморозки, а в Крыму – теплынь: солнечно и температура приближается к тридцати. А вода в бухте «Омега» накануне, например, нагрелась до двадцати двух. Осенью и не пахнет. Настоящий бархатный сезон. Сейчас, как говорят знатоки, намного комфортнее, чем в июле. Потому что тогда зной добирается и даже воды Черного моря не спасают от прожигających солнечных лучей. Чуть-чуть зазевался – и сторел. Сейчас? Можешь с утра до вечера нежиться на горячем и чистом песке. Купил панаму, чтобы начавшую лысеть голову все-таки не перегреть.

С жильем ему повезло. Хозяева гостеприимны. Лучшую комнату отдали в его распоряжение. Комната с большой лоджией. Так что физические упражнения, открыв настежь окна, по утрам выполняет там. По приезде хозяйка, пожилая,

но все еще милovidная хохлушечка, предложила столоваться вместе с ними.

– Меню наше, Александр Сергеевич, – сказала она, – простецкое, без всяких там разносолов, но сытное. Так что голодать не станете.

Господин отдыхающий, как истинный уралец, заскромничал:

– Обременительно для вас будет, Матрёна Остаповна...
Дополнительные хлопоты... Вам это надо?

– Что вы, что вы! – хозяйка замахала руками. – Какие хлопоты? Где двое, там и трое – одинаково... Если вы не привереда, то моя еда, уверяю, вам понравится.

Хозяин, присутствовавший при разговоре, кивнул.

– Мастеровитая она у меня.

– Планировал питаться в ближайшей кафешке...

Хозяйка нахмурилась и поджала пухлые губы.

– Ну, если вы так богаты, что деньги некуда девать, то оно, конечно.

Квартирант отрицательно мотнул головой.

– Не бедствую, но и...

Матрёна Остаповна прервала:

– Тем более... Ну там... Если вы думаете, что с вас много возьму за стол... Это не так: пятьсот рублей в сутки, что в два раза дешевле, чем в самой простецкой забегаловке.

Поломавшись чуть-чуть, квартирант принял предложение. И сделал правильно, в чем сразу же убедился. Сегодня

на завтрак, например, были настоящий, то есть густющий и запашистый, украинский борщ, огромная отбивная куриная котлета с тушеными картофелем и овощами, к чаю – свежие украинские пампушки.

Выйдя из-за стола, не мог не подумать: «К концу отпуска от такой еды в дверь не буду пролазить».

После не менее обильного обеденного стола господин отдыхающий собрался на пляж, где вдоволь накупался в море и наотдыхался на горячем песке. Вода чистёхонька. На два метра вглубь – каждый камушек виден. Ему есть что и с чем сравнивать: без малого лет двадцать назад он уже был на берегу Черного моря, в районе Сочи. Тогда руководство его и его коллег поощрило недельной поездкой за удачное осуществление оперативно-розыскных мероприятий², и вода там была, мягко говоря, грязновата.

Возвращаясь в «обитель», Фомин решил забежать в гастрономчик, благо он по пути, чтобы купить бутылочку местного винца и за ужином распить с хозяевами. Выбор огромен. В то время, когда он с пристрастием изучал ассортимент, у противоположного прилавка шел такой разговор...

Покупатель, судя по всему, не местный:

– Скажите, хлеб есть? Что-то не вижу.

– К сожалению, – отвечает девушка, – отечественный про-

² Об этом идет речь во второй главе первого авторского детективного романа «Псы одичалые», изданного российским издательством и выставленного на продажу во многих книжных интернет-магазинах.

дан.

– То есть?

– Ну, наш, российский, точнее, севастопольский.

– Жаль, – говорит покупатель и тяжело вздыхает.

– Извините... Остался лишь заграничный хлеб...

– Не понял... Из Австрии или Германии, что ли?

– Да нет, – продавщица улыбается, – ближний импорт, с соседней Украины.

Этот коротенький диалог чем-то порадовал Фомина. И он с еще большим желанием выбрал и купил мускат Таврический чёрный. Слышал от хозяина его квартиры, что эта марка легкого вина – наилучшая.

Хозяин оказался прав: Фомин оценил вино и за столом тянул медленно, с наслаждением выпитывая его букет. Он не гурман по части вин, но, оказывается, хорошее от дурного способен отличить.

Часу в десятом позвонила жена. По делу или просто проконтролировать мужа? Оказалось, по делу. В семье, где отсутствует хозяин и где некому сказать свое веское слово, разгорелась дискуссия: где проводить свадьбу? Мнения разделились: жена за то, чтобы свадебный пир состоялся в малом зале ресторана «Космос», сынулька же склонялся в пользу ресторана «Малахит» (в центре города и всё прочее), дочка держит нейтралитет (ей, мол, без разницы).

– Сашенька, последнее слово теперь за тобой, – сказала жена и, кажется, рассмеялась. Во всяком случае, так показав-

лось Фомину.

Фомин поддержал сына. Он услышал, как жена фыркнула:

– Ну, понятно... Можно было и не спрашивать... Нет, чтобы жену поддержать.

Фомин совершенно серьезно сказал:

– Галчонок, чья свадьба?

Жена, не дожидаясь продолжения его мысли, ответила:

– Наша... Общая.

– Но прежде всего свадьба его и ему в конечном итоге и решать. Да и, смею предположить, обговорено с невестой и ее семьей. Так что...

– Я поняла... А ты как там? Не шалишь?

– Не успел, Галчонок... Еще не осмотрелся...

– Вернее, не присмотрелся к потенциальной кандидатке, не так ли, дорогой мой муженек?

Фомин согласился.

– Возможно. Но, Галчонок, бабоньки с пляжа с интересом поглядывают в мою сторону.

Жена рассмеялась.

– Не преувеличивай и не разжигай во мне ревность. Попусту не трать силы.

– Понял. Обнимаю детей.

– А меня?

– Представь, что крепко-крепко целую. Пока. До следующего сеанса связи.

– Кстати, почему сам не звонишь?

– Так... всего три дня...

– Не успел соскучиться?

– Скучаю... И даже очень, но...

– Хорошо. Отдыхай и набирайся сил. У нас все в порядке и ни о чем не беспокойся.

Наорали

Вечереет рано – единственная примета подкрадывающейся осени. Всего-то четверть седьмого, а солнце уже низко над горизонтом, из-за чего длинные тени, отбрасываемые строящимся корпусом будущего очередного санатория, полностью накрыли пляж и часть мелководья, но дальше, метрах в тридцати от берега море по-прежнему блестит на солнце, еле заметный ветерок гонит рябь.

Кое-кто стал покидать пляж. Похоже, это севастопольцы, для которых, как заметил Фомин, такая легкая прохлада не очень-то комфортна, но приедем – хоть бы хны. Еще бы! Слева, ближе к кромке воды расположилась семья: муж, жена и двое детей, озорно беспрестанно бултыхающихся на мелководье и визжащих от наслаждения. По их репликам понял: из Норильска, где уже метели и минус десять. Еще чуть левее – пожилая пара, которая прилетела из Новосибирска, где морозы еще не наступили, но тоже не жарко.

Фомин встал, потянулся и вошел в воду, чтобы еще раз искупаться. Поплавав то кролем, то брасом, полежав на спине, подставив под лучи заходящего солнца мускулистый живот, нырнув несколько раз, вернулся на берег. Сменив в кабинке мокрые плавки на сухие трусы, надев разноцветные вызывающе кричащие шорты (купила жена, которая, между прочим, заявила, что в таких шортах он покорит всех баб),

медленно направился к дому. Нет, ему не стало холодно. Ему стало голодно, будто за четыре часа пребывания на пляже разгрузил вагон с углем. Устал, но эта усталость была легкой, расслабляющей его тело и душу. Вышагивая и небрежно размахивая пластиковым пакетом, в котором были полотенца, пляжные шлёпки и книга, подумал: «Еще неделя и от Илюши Обломова не отличить – обленюсь». Он при этом блаженно улыбался и прохожие, наверное, принимали его за чудака.

Войдя в квартиру и скидывая легкие туфли, услышал мужские голоса, доносящиеся из гостиной. В его голове пронеслось: «У хозяев – гости. Интересно, кто?» Он попытался незаметно проскользнуть в свою комнату. Прикрывая за собой дверь, услышал голос хозяина:

– Сергеич, присоединяйся! Мы тут хорошо так сидим.

Хозяйка избавила его от необходимости откликаться. Он услышал, как она заворчала:

– Вы-то сытёхоньки, а он? Должен сначала хорошо подкрепиться... Да и, наверное, пойдет под душ. – Она вышла в просторный холл и прошуршала тапочками в сторону кухни. – Еду надо подогреть... Сергеич, как я уже поняла, холодную или теплую пищу не любит... Ему больше по нутру то, что обжигает.

Фомин, переодеваясь, усмехнулся: «Всего-то четыре дня, а Матрёна Остаповна уже обо мне всё знает – наблюдательна... И по-матерински заботлива».

Ополоснувшись под душем, прошел на кухню, где для

него уже все было готово. Поужинал. Когда пил чай и заедал домашними крендельками, на кухне появился хозяин.

– Теперь, Сергеич, прошу, так сказать, и к нашему шалашу. Не побрезгуешь, надеюсь, нами?

Квартирант встал, отставил в сторону пустой стакан.

– Как можно, Тимофей Олегович? С удовольствием... Только... Позвольте смотаться в ближайший гастрономчик... Прихвачу свой пай.

Хозяин отрицательно замотал головой.

– Это, Сергеич, ни к чему... У нас есть и этого более чем достаточно.

– Все-таки...

Фомин попробовал возразить, однако ему этого не позволили.

– Крууугом! – скомандовал хозяин. – Шагом марш в гостиную.

Фомин поднял руку, но вспомнил, что к пустой голове руку не прикладывают.

– Есть! – шутливо сказал он и, развернувшись, печатая шаг, направился в гостиную.

– То-то же, – проворчал хозяин, следуя по пятам за квартирантом. Потом, хмыкнув, удовлетворенно добавил. – Наш человек... Дисциплинированный. Судя по всему, приученный.

Тимофей Олегович познакомил квартиранта со своим гостем.

– Серафим Олегович, брательник, тоже, как и я, флотский человек. Сейчас в запасе, а до этого двадцать лет прослужил старшим мичманом на подлодке, – они обменялись рукопожатием. – Присаживайся, Сергеич. Чувствуй себя как дома. – Матрёна Остаповна принесла чистую тарелку и крошечную рюмку, поставила перед Фоминым. Хозяин всем налил коньяка по чуть-чуть. – Выпьем за славянское братство, за русско-украинскую дружбу! Как, Сергеич, не возражаешь?

Фомин ответил:

– Тост великолепный и к тому же актуальный.

Он выпил первым. Дотянувшись до салатницы, положил себе пару ложек крабового салата.

Хозяйка, заметив, предложила:

– Накладывай, не стесняйся.

– Спасибо. Я только что плотно заправился.

Братья тоже выпили.

Хозяин щелкнул пальцами. Эту его привычку квартирант заметил еще вчера.

– Хорошо!.. Да!.. – закусывая салатом, хозяин спросил. – Как, Сергеич, ничего коньячишко, а?

– Ничем не хуже армянского. Кстати, чьё производство? Явно не краснодарское.

– Массандра... Наш... Крымский... Императоры русские обожали, а уж они-то в винах разбирались.

– Это так, – подтвердил Серафим Олегович и добавил. –

Только все же дороговат.

Фомин кивнул.

– Вчера поизучал ценники: от восьмисот рублей и выше. Обычному человеку не по карману.

Хозяин, недовольно покачав седой головой, заметил:

– Задрали цены. После возвращения Крыма в Россию цены на наши вина подскочили в два раза. С одной стороны, хороший знак: у россиян пользуются спросом. С другой стороны... Как говорится, всякая палка о двух концах.

Серафим Олегович кивнул.

– Это верно. Думаю, всплеск временный. Ажиотаж спадет и...

Тем временем Тимофей Олегович вновь налил в рюмки и вновь чуть-чуть. Как бы оправдываясь, сказал:

– Императорский напиток и пить надо по-императорски... Не горилка, чтобы хлестать стаканами. Да и пьем не для того, чтобы напиться, а для того, чтобы получить удовольствие. Согласен, Сергеич?

– Абсолютно.

– Значит, единомышленники – это хорошо, – он поднял рюмку. – Насчет славянского братства... За этим столом – интернационал: хохлы и русские и между нами мир. Потому что простым людям нечего делить... Пусть баре там дерутся между собой, а мы, холопы, не допустим, чтобы у нас чубы трещали. За это предлагаю выпить.

Квартирант, уважая национальные чувства, старался ухо-

дить от щекотливых тем. Хотя не заметил неприязненно-го отношения к себе со стороны аборигенов, но все же не грех воздержаться и не давить на болезненную мозоль. Но столь ли уж болезненна? Скорее, подавляющее большинство крымчан, как ему показалось, радо-радешенько возвращению в лоно матушки России. Тем не менее, Фомин больше молчал и слушал. Зато братья дали себе волю. Они имеют право...

Хозяин, хмыкнув, сказал:

– Один лысый дурак, извини за выражение, Сергеич, взял и сделал широкий и щедрый жест – подарил Крым Украине.

Тимофей Олегович согласно кивнул.

– Хуже того, вместе с Крымом отошел и Севастополь – колыбель Черноморского флота, который изначально не был и быть не мог украинским.

– Грубая историческая ошибка, – сказал хозяин и хмыкнул. – Киев обрадовался и воспользовался ситуацией, когда распался СССР. Стал этим спекулировать. Точнее, шантажировать русских.

Брат поддержал.

– Когда русские чем-то были недовольны и возмущались, то как мы, украинцы, на это реагировали?

После секундной паузы Тимофей Олегович ответил:

– Хохлы разные. Не все, но некоторые нагло и незатейливо орали: «Не нравится? До свидания!»

Брат подхватил:

– Вот именно! Нагляя, еще и добавляли: «Берите билет в один конец – чемодан, вокзал, Россия». Ну и... наорали на свою голову: Крым-то стал не нашим.

Тимофей Олегович уточнил:

– По правде-то говоря, и не мог быть украинским.

– Не согласен! Если бы мы так не нагтели и учитывали интересы русского большинства в Крыму, то все могло бы сложиться иначе.

– Возможно, но случилось то, что случилось.

– Благодаря киевским националистам, – подытожил Серафим Олегович.

Фразы звучали штампованно, как будто взятые из газетных передовиц. Может, они рисовались перед Фоминым и были неискренни? Неизвестно.

По крайней мере, в Севастополе пока не слышал украинской речи: все говорят по-русски. Как и в Крыму. Впрочем, и киевские националисты на майдане тоже предпочитают общаться на противном для них русском языке.

Послушав братьев, Фомин встал и вышел из-за стола. Хозяин спросил:

– Сергеич, мы надоели своей болтовней?

– Не в этом дело, Тимофей Олегович. Извините, но что-то я раскис... В постель потянуло.

Матрёна Остаповна, не вставшая в мужской разговор, усмехнулась.

– Дают о себе знать расслабляющие морские ванны.

Хозяин понимающе кивнул.

– Иди, Сергеич, отдыхай, а мы с братцем еще поговорим тут. Не мешаем, нет?

– Что вы! Буду спать как убитый. Меня и крепостной пушкой не потревожить.

Он ушел. И, действительно: голова только-только опустилась на подушку, и он тут же провалился в глубокий безмятежный сон.

Землячок

С утра, позавтракав, господин отдыхающий уехал знакомиться с историческим комплексом «Малахов курган». Вернувшись, пообедал и тотчас же отправился... Куда? Всё на тот же пляж бухты «Омега», чтобы получить порцию наслаждений от щедрого солнца и ласковых вод Черного моря.

В этот день и час пляж оказался переполненным: настолько, что с трудом отыскал себе крохотный свободный пяточок на разгоряченном песке. Расстелив большое махровое полотенце, разделся. И сразу – в воду. С полчаса поплавал. Вернувшись на отвоёванную у других отдыхающих территорию, растянулся на ней, и устало прикрыл глаза. Когда же приподнял ресницы, то сделал прекрасное открытие. «Боже мой, – пронеслось в его голове, – какое чудесное создание природы! И как сразу не заметил? Наверное, только-только из моря».

Господина отдыхающего поразила молодая женщина, стоявшая справа от него и боком к нему. Дело не только в том, что тело ее покрыто тончайшей, лежащей на коже ровно-ровно, шоколадной плёнкой, а в том, что её фигура выглядела идеально и невольно заставляла всех мужчин ею любоваться. Женщина стояла и наслаждалась... Нет, не только солнцем, а и тем вниманием, которым пользовалась ее точёная фигура, как будто изваянная из коричневого мрамора гениальным скульптором.

Женщина была одна на пляже, то есть среди огромного скопления отдыхающих, без партнёра. Постояв сколько-то минут, она, изящно лавируя между телами, грациозно ступая, будто неземное существо, подошла к кромке воды, ополоснула стройные длинные ноги, надела пляжные тапки и вернулась назад. Собрав лежанку и уложив в пакет, все также грациозно направилась на выход с пляжа.

Господин отдыхающий проводил ее взглядом и тяжелым вздохом. В этом, похоже, он был не одинок. Снова прикрыв глаза, предался чуть-чуть греховным размышлениям: «Пораздовался глаз – и всё... Прекрасная фея испарилась... Совершенство, да-да, именно совершенство... Эх, молодость, молодость... Где она? Нет и не будет... Скинуть бы лет так тридцать, вернуться бы к холостяцкому периоду, я б перед такой феей не устоял... Любовь, как какая-нибудь хворь, настигает человека, наваливается внезапно, поэтому и излечение, выздоровление идет мучительно долго, с болями и страданиями. М-да... Не упустил бы, наверное, такой шанс, выпадающий в жизни один раз. И что сейчас? А ничегошеньки: лежи молча и вздыхай по жемчужинке, сверкнувшей и тут же погасшей. Интересно, будучи женатым, мог бы перед этакой прелестью устоять? Галчонка поменять? Да ни за какие коврижки! – Он, вспомнив первые годы совместной жизни, удовлетворённо хмыкнул. – Галчонок – не хуже... Была ничем не хуже... Была?.. Но она и сейчас – загляденье... Для своего возраста, конечно».

Неизвестно, куда бы увели такие вредные мысли, если бы не голос, прозвучавший рядом.

– Простите... – Приподняв ресницы, увидел статного мужчину примерно своего возраста. – Не помешаю, если вот здесь, рядышком устроюсь?

Фомин подумал: «Интеллигент деликатничает». Вслух же сказал:

– Да ради Бога, – и тотчас же вновь опустил на глаза свои лохматые ресницы.

Фомину, по правде говоря, хотелось вернуться к воспоминаниям о прекрасной фее, которая только что скрылась за кучами деревьев.

У моря – тихо, покойно. Слышны лишь визги бултыхающихся на мелководе детишек да короткие, но требовательные возгласы зорких бакланов или визгливо-протяжные крики белоснежных чаек, взмывающих вверх и падающих камнем в воду.

Сосед, искупавшись, вернулся и присел на подостланное полотенце.

Явно адресуясь к Фомину, сказал:

– Хороша водичка! Не море, а бархат!.. и предложил. – Может, познакомимся, а?

Фомин, кивнув, без особой охоты представился:

– Фомин... Александр Сергеевич.

– А я – Низковских... Савелий Иванович... Очень приятно... Будем знакомы... Если не ошибаюсь, мы земляки...

– С чего вы взяли?

– Выговор наш, уральский: окаете.

– Волжане тоже окают.

Сосед закрутил головой.

– Да, окают, но не по-уральски... Как-то по-другому...

– Объясните.

– Не могу, – после короткой паузы спросил. – Простите, я ошибся?

– В чем?

– Вы земляк, с Урала или?..

– Из Екатеринбурга.

Низковских воскликнул:

– Совсем земляки!

– Из Екатеринбурга, что ли?

– Почти... Из Ирбита я... Знаете такой город?

– Кто его не знает... Еще при царе Алексее Михайловиче город гремел.

Низковских кивнул.

– Россия славилась тогда двумя ярмарками – Ирбитской и Нижегородской... Раз в год съезжались самые богатые и именитые купцы России и сопредельных государств.

– Да, были времена, – вставая, сказал Фомин. – Предлагаю поплавать. Как на это смотрите, Савелий Иванович?

– Исключительно положительно, Александр Сергеевич. В моем городе что? Две речушки, но обе летом курица перейдет и брюшко не замочит. – сосед встал. – Только... – он

обвел многозначительным взглядом обе лежанки.

Фомин понял.

– Не знаю, как вы, но я взял за правило: ничего ценного с собой не брать. Даже часы и мобильник оставил дома. А на это барахло, что здесь, никто не позарится, – он ухмыльнулся. – Да, в одних плавках возвращаться не совсем прилично, но беда все-таки не такая уж большая.

– Собственно, Александр Сергеевич, у меня тоже...

– Тогда – идем. Кстати, вы далеко обитаете?

– Рядом... – он махнул рукой влево. – За тем зеленым забором.

– А что там?

– Санаторий ветеранов вооруженных сил России.

– Так... вы по путёвке?

– А вы разве нет?

– Я – дикарём... Комнату снимаю... В пяти минутах ходьбы... Для подобных мне путёвок никто не припас.

Низковских покачал головой.

– Но мне показалось, что мы – родственные души...

– Пошли, Савелий Иванович. Смотрите, как море манит к себе.

– Вы – большой романтик.

Низковских, прихрамывая, бодро побежал к воде. Только сейчас Фомин понял, что его сосед, судя по всему, участвовал в боевых действиях и имеет ранения. Хотя на глаз это точно не определишь. Да, пулевое ранение левой руки – это яс-

но. Да, на правой ноге большой шрам. Но ведь травмы могут быть полученными необязательно, например, в Афганистане или Чечне, а и в быту. Сам он не был ни там, ни тут, но знает, что такое пулевое ранение – на себе и дважды испытал. Хорошо, что повезло и не были задеты жизненно важные органы. У него своя была война. И также чрезвычайно жестокая, не щадящая каждого из ее участников. Слава Богу, те его сражения уже позади. Хотя... Как ведь на это посмотреть...

Тревога

Уральские мужички, наконец-то, выбравшись из воды, разлеглись на полотенцах, подставив тела благодатным лучам сентябрьского солнца: оно не жгло, хотя и было около тридцати, а ласкало.

Вскоре Фомин сел и подставил щедрому светилу свою спину: пусть, дескать, и она получит свою порцию крымского тепла. Он полез в пластиковый пакет, пошуршав в нем, достал газету, развернул, через минуту свернул и отложил в сторону. Вместо газеты достал книгу, раскрыл и углубился в чтение.

Савелий Иванович, повернувшись в его сторону, спросил:

– Что за книга?

– Сборник ранних рассказов Владимира Маканина.

– Интересно пишет? Я его не читал.

– Как вам сказать... Оригинален стиль письма... Для меня непривычен, поэтому, возможно, воспринимается мною с трудом... Жена сунула, сказав при этом: чтобы не глазел особо на пляжных красоток.

– Ревнует?

– Это она так шутит.

– Подкалывает, значит?

– Вроде того.

– Сколько раз женаты?

– Однажды и на всю жизнь... Кроме нее, никто мне не нужен. Почти тридцать лет вместе.

Низковских тяжело вздохнул.

– Счастливый... Завидую...

– Что, не с первого раза повезло?

– Увы! Со второй-то женой – ничего, нормально, а вот с первой... не получилось. Пришлось расстаться.

Фомин сочувственно спросил:

– Дети были?

– Один... Сын... Двадцать пять летом стукнуло.

– Женат?

– Непутёвым вырос...

– Вот как?

– Да... У такой матери... К тому же семейные неурядицы. Ведь умная женщина никогда не опустится до того, чтобы своего партнера обратить в тряпку, а постарается сделать все, чтобы тот чувствовал себя рядом с ней настоящим мужчиной. Глупая же женщина, наоборот, из кожи вон вылезет, чтобы любого мужчину превратить в ничтожество. Так что... Замнем для ясности.

– А во втором браке?

– Девочка... Двадцать ей... Ласковая... Учится на строительном факультете Уральского федерального университета...³ Без хвостов и даже без троек... Инженером будет.

³ Бывший Уральский политехнический институт, из стен которого вышло немало знаменитостей. Например, секретарь ЦК КПСС Яков Рябов, председа-

Возможно, говорит, открою свой строительный бизнес. Дай-то Бог!

Фомин, оторвавшись от книги, кивнул:

– Замечательно, когда есть цель.

– У вас, Александр Сергеевич, есть дети?

– Золотая парочка, – ответив, Фомин рассмеялся.

– Как вас понимать?

– Сначала родился сынулька, а через два года жена подарила замечательную дочурку.

– С ними всё в порядке?

– Более чем, Савелий Иванович! Вернусь домой — сына женю. Свадьба намечена.

– Как невестка?

– Клашенька даже не золото, а наидрагоценнейший бриллиант... Самородок, можно сказать.

Низковских вновь тяжело вздохнул.

– Доченька меня беспокоит.

– Чем же?

– Нет серьезных отношений... Нет, парнишки, вроде бы как, возле нее вертятся, но она всех отшивает. Как бы со своей «целью» в старых девах не осталась. Хочу внуков, очень хочу... Даже во сне вижу, как с внуками нянчусь.

Фомин, чтобы поддержать земляка и вселить в него надежду, утешительно заметил:

– Двадцать лет – не возраст... Вся жизнь у вашей девочки – впереди.

Конечно, общие слова, но других у него не нашлось.

– Надеюсь, – сказал Низковских и надолго замолчал.

Он смотрел на зеркальную гладь бухты «Омега», на переполненный отдыхающими пляж, на ватаги разновозрастных ребятишек, среди которых были и те, которые только-только встали на ноги, однако, несмотря на испуганные аханья и оханья отцов и матерей, дедушек и бабушек храбро резвились на мелководье. Он помнит, как ночью проснулся от грохота: сверкали молнии, на мгновенье освещая комнату, раскатисто ухали громы и в окна бился ливень, а море, скорее всего, штормило (вал выброшенных на берег зеленых водорослей о том свидетельствует). И что сейчас? Природа давным-давно уgomонилась, царит абсолютный штиль, туч нет и в помине (они разбежались в разные стороны, солнце нежно ласкает своими щедрыми лучами всё вокруг. В том числе и его, Савелия Ивановича Низковских. Бакланы, резко перекрикиваясь с себе подобными, медленно и с необычайной важностью вышагивают у кромки воды, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону, зорко следят за ситуацией на пляже: нельзя ли, дескать, чем-либо поживиться – хлебной корочкой или оставленной кем-то куриной косточкой. Чайки, шумно разрезая воздух, проносятся над морем, высматривая мелкую рыбёшку. Ну, чем не идиллия? Особенно для него, коренного уральца, на родине которого (из утрен-

него телефонного разговора узнал) снег с дождем и температура близка к нулю.

Низковских вдруг спросил:

– Александр Сергеевич, вы служили в армии?

Фомин утвердительно кивнул.

– Два года срочной... Как положено... Отбарабанил своё.

– А потом?

– Как и многие другие, вернулся на гражданку.

– И чем занялись?

– Решил продолжить дело отца, который всю жизнь проработал токарем-карусельщиком на Уралмашзаводе. Профессия по тем временам – нужная и денежная.

– Простите за нескромное любопытство: травмы на теле получены на производстве?

Фомин отрицательно мотнул головой.

– Нет, Савелий Иванович.

– Я так и подумал... Во всяком случае, одна из травм, несомненно, – огнестрельное ранение.

– Вы правы... Хотели убить, но не получилось. Пуля прошла на вылет, при этом не задела жизненно важные внутренние органы. Так сказать, в рубашке родился. Другой рубец – от ножа.

– Конфликт... на бытовой почве?

Фомин усмехнулся.

– Не совсем, Савелий Иванович.

– Как вас понимать?

– По мне стреляли и не раз. Обычно промахивались, а однажды... Попали-таки.

– Загадками говорите.

– Ничего загадочного, собственно говоря, нет. Вас, как вижу, поместили душманы и хорошо поместили, а меня – наши, российские бандиты. Я ведь тоже служил и целых двадцать пять лет.

– То есть?

– Когда вернулся из армии и когда наострил лыжи в сторону завода, вызвали в военкомат. Военком прочитал лекцию: мол, комсомольцу и с такой армейской квалификацией (в ВДВ проходил службу) сам Бог велел (именно так высокопарно выразился) послужить на ниве охраны правопорядка. Наивным был, дурачком. Развесил уши. Более того, предложением загордился. Военком, увидев, что я уже готов лопнуть от счастья, выдал мне направление в областное УВД, а там перенаправили в Нижнетагильскую школу милиции. Закончил энтузиаст с отличием. Вот и оказался сначала в уголовном розыске Прижелезнодорожного района, а потом, спустя три года, перевели в областную уголовку, откуда и ушел десять лет назад на пенсию.

– По-нят-но, – протянул Низковских, – а я подумал...

– Что бандит, пострадавший в очередной разборке?

Низковских, смутившись и покраснев, ответил:

– Ну... да... Что-то вроде того... Комплекция у вас... Устрашающая – гора мышц... И... кулачищи – жуть.

Фомин кивнул.

– Бог не обидел.

– Не только, нет, не только и не столько. Скорее всего, результат мучительных тренировок.

– Все-таки два года службы в десантных войсках кое-что дали.

– Извините, что нехорошо подумал.

– Пустяки. Нынче принадлежностью к бандитскому сообществу принято гордиться.

Низковских нахмурился.

– Не шутите так. Ну, ладно... Получается, что на, так сказать, заслуженном отдыхе?

– В данный момент – да. Вот лежу на пляже, грею пузо – ни забот, ни тревог.

– Не хотите ли сказать, что, выйдя в отставку, продолжаете трудиться?

– В некотором роде, Савелий Иванович.

– То есть?

Фомин рассмеялся.

– Сейчас я – бо-о-ольшой начальник.

– То есть?

– Создал своё частное детективное агентство, в котором я – и швец, и жнец, и на дуде игрец.

– И... заказы есть?

– Даже с избытком. Кому-то приходится отказывать.

Уральские мужички вновь поплавали и вернулись. Фо-

мин взялся за книгу. Жена его была права: на пляже столько нимф, что глаза разбегаются. Соблазны на каждом квадратном метре. Стоит протянуть руку и... Тьфу-тьфу! Изыди, Сатана, изыди! Не смущай невинную душу! Он уткнулся в книгу и не обращал больше никакого внимания на окружающих.

– Александр Сергеевич, – Фомин поднял на соседа глаза, – позвольте полистать газету. Все равно без дела лежит.

– Да, пожалуйста... Свежий номер... Прихватил, но пока не смотрел.

Низковских взял, взглянул на первую страницу.

– Ого! «Криминальное обозрение» – региональная независимая правовая газета... Так... Интересно... Почитаю.

Перевернув страницу, углубился в изучение коротеньких материалов под шапкой «Что? Где? Когда?». Буквально через пару минут, вскрикнув, переполошил Фомина. Тот оторвал взгляд от книги и взглянул в сторону соседа.

– Потрясающая новость?

– Мало того!

– В чем дело, Савелий Иванович?

– Но здесь... В заметке сказано, что в Ирбите...

– Что в Ирбите?

– Исчез, не оставив никаких следов, Низковских Дмитрий Савельевич... тысяча девятьсот девяносто третьего года рождения.

– Однофамилец? Или ваш родственник?

– Это же Димка исчез... Мой сынулька!

Низковских вскочил и стал спешно собирать вещички и заталкивать в пакет.

– Боже мой! Боже мой! Что могло случиться с ним? Только этого не хватало... Лечу домой... Тем более, что и без того я должен был вернуться домой... Извините... Спасибо за компанию... Рад знакомству... Жаль, что встретились в последний день... Мир тесен... Возможно, еще и встретимся... Да... – Савелий Иванович, державший в трясущихся руках пакет с барахлом, смотрел на Фомина и о чем-то думал, – Александр Сергеевич, но вас со мной сам Господь свел.

– Возможно, – ответил Фомин и тоже встал.

– Ну, кто же еще, если не Господь? Вы же... частный детектив и... Я прошу вас... Ну, пожалуйста, помогите... Я заплачу... Я машину продам... Машина у меня хорошая... Пожалуйста!

Фомин строго сказал:

– Не порите горячку, Савелий Иванович. Может, ничего и не случилось. Вы прилетите, а сын будет дома. Судя по заметке, – он ткнул пальцем в газету, – к розыску приступила полиция... Успокойтесь, сына найдут.

– Найдут?! Наша полиция найдет? Кто-кто, а вы-то знаете, чего стоит полиция. Палец о палец не ударит – вот! Не верил и никогда не поверю в нашу полицию... Одна надежда на вас, Александр Сергеевич.

– Не преувеличивайте, – Фомин попробовал охладить земляка. – Мои возможности тоже имеют свои пределы.

– Нет-нет-нет! Не отговаривайте меня! Не отказывайте в помощи несчастному отцу, у которого такое горе!

Фомин смущенно опустил глаза вниз.

– Я не отказываю... Если вдруг действительно что-то с полицией не заладится, то, – он достал из джинсовых потертых брюк блокнотик, крохотную ручку, написал свой номер телефона и протянул Савелию Ивановичу, – звоните... Но имейте в виду, что появлюсь в Екатеринбурге не ранее тридцатого сентября, а к тому времени, я надеюсь, всё уладится. Уверен, что с вашим сыном ничего серьезного не случилось.

– Ваши бы слова, Александр Сергеевич, да Богу в уши.

Фомин похлопал земляка по плечу.

– Не теряйте надежду, старина, не теряйте.

Прощаясь, они обменялись крепким рукопожатием.

Глава 2. Советуют отцу: не суетиться. Но как, если?..

Убаюкивания

Чем дальше, тем больше растет в нем беспокойство. Да, сын у него, в самом деле, вырос непутёвым. И что из того? По глубочайшему убеждению Савелия Ивановича, оттого Димка никогда не становился и не становится ему менее близок и дорог. Потому что родная кровь, часть его. Возможно, не лучшая его часть, а уж какая есть, какая получилась. Отец в том видит и чувствует свою вину, казнит себя. Душа неспокойна, поэтому по ночам видит кошмары, в которых сын предстает в образе инопланетянина или в роли страшного демона, который всегда тянет свои щупальца к его шее, пытается обвить и задушить. Просыпается в холодном поту. До утра не сомкнув глаз, лежит в кровати и думает, думает, думает: о чем сон его пытается предупредить? Ответа не было и нет. Утром, встав с больной головой, по-настоящему не отдохнув, быстро позавтракав тем, что на столе, бежит на службу. Евдокия Сергеевна, вторая жена, чувствует тревогу мужа, понимает, но молчит, не лезет в душу с расспросами. Иногда лишь, укрывшись от домочадцев на кухне

или в ванной, дает волю слезам. А чем, собственно, она может помочь любимому мужу, с которым живет душа в душу почти двадцать лет? Да ничем! Вот и остается тайком лить слёзы. Почему тайком? Чтобы еще больше не растравливать родного мужа, которому и без ее охов да вздохов тяжело. Никому дома не сказав, неделю назад побывала в старинной Ирбитской Свято-Троицкой церкви, история которой уходит в глубь веков, поставила свечи и обратилась с молитвенной просьбой к своей заступнице Святой Евдокии, чтобы та облегчила мужнюю беду. Да, Димка ей, по сути, никто. Ей никто, а вот Савелию дорог. Первый ребенок, сын. Она это понимает. Всегда понимала, что значит для главы семейства наследник, продолжатель родовой фамилии. Хотела сама родить парнишку. Не получилось.

Вчера, окончив службу, в девятом часу Савелий Иванович с приятелями завалился в бар. Посидели. Выпили, понятное дело. Сослуживцы стали утешать, убаюкивать как малое дитя, успокаивать: дескать, с Димкой вряд ли что-нибудь серьезное произошло; дескать, у бабы какой-нибудь застрял; возможно, мол, встретил дружков и с ними, решив развеяться, побродяжить, умчался; дескать, ну, что может случиться с двадцатипятилетним неженатым парнем, крепким и сильным, пошедшим этим в отца, то есть Савелия Ивановича. Савелий Иванович слушает, лишь отрицательно мотает, не произнеся ни слова, головой.

Подобного рода убаюкивания надоели отцу до чёртиков:

каждый день слышит последние три недели от родственников, друзей и даже сослуживцев. Слава Богу, думает он, Евдокия оставляет в покое и дочери запрещает. Савелий Иванович считает, что с женой и дочерью ему повезло: хорошие люди, чутки к чужой беде, соображающие, что к чему. Если бы не проблемный Димка, то мог бы с полным правом сказать всем: жизнь удалась. А так... Заноза в сердце... Пробовал ли что-нибудь с этим сделать, какие-то практические действия предпринять? Женившись во второй раз, ожидая появления второго ребенка, девочки, поговорив обстоятельно с Евдокией, получив с ее стороны полную поддержку, повел наступление на мать Димки. Чего он хотел? Того, чтобы Димка перешел жить к отцу. Что услышал? Истеричный крик: «Не дождешься! Никогда! Ни за что! Он мой и только мой! И будет только моим всегда!» Хуже того, после бабьего сумасшествия запретила сыну вообще видеться с отцом, навсегда запретила отцу даже на глаза показываться. И когда Савелий Иванович однажды пришел в школу (Димка только-только пошел в первый класс), после уроков забрал парнишку, и они часа три развлекались в городском парке, мать его устроила скандал на весь город, обвинив отца в похищении (!?) родного сына, подняла на ноги все правоохранительные органы Ирбита.

Больше всего обидно было то, что матери Димка вообще был не нужен. Он рос как сорная трава в диком поле, не видя ни заботы, ни ласки со стороны матери. Тогда чем же ру-

ководствовалась мать? Нет, она не руководствовалась интересами мальчишки, а она руководствовалась одним: чтобы насолить Савелию Ивановичу, больно и как можно глубже, жестоко ранить его сердце, растоптать отцовские чувства, вмять в землю его гордость и достоинство. И ради этой цели, манипулируя ребенком как игрушкой, бывшая жена готова была на всё. Вот и в глазах всех горожан выступала в двух ипостасях. Научившись лицемерить в юности, доведя впоследствии до совершенства это умение, во взрослой жизни она не собиралась отказываться от приобретенного искусства вести двойную жизнь.

Попытался через местных судей решить вопрос постоянного проживания Димки с отцом, но из этого ничего не получилось. На руках Савелия Ивановича оказалось судебное решение, в котором было сказано незатейливое: *в гражданском иске Низковских Савелию Ивановичу отказать*. Мотивация? Сплошные глупости. Не согласившись, подал кассационную жалобу в областной суд. Решение первой инстанции оставили без изменения, поскольку, как написано было в определении судебной коллегии, *ребенку будет комфортнее с матерью, чем с инвалидом-отцом*. Оскорбление? Да, но выше головы, как посчитал Савелий Иванович, не прыгнешь и плетью обуха в России не перешибешь. Можно ли за подобные мысли осуждать отца? Не знаю.

Савелий Иванович терпеливо ждал, когда Димка его подрастет и тогда... Что тогда? На что надеялся? Думал, что

повзрослевший сын сможет решить сам, с кем ему жить – с отцом или матерью. Но семена ненависти, брошенные матерью, проросли, зацвели буйным цветом. Стало понятно: ребенок испорчен, душа его исковеркана, а Савелий Иванович в глазах сына был оболган, выглядел монстром, который, якобы, никогда не интересовался судьбой Димки, был брошен отцом и забыт.

К тому же всякий раз мать с раннего детства вбивала в голову подростка одну и ту же мысль: у меня – тебе свобода и можешь делать все, что угодно, а там, у зверя-отца, тебя засадят в клетку, и не посмеешь даже пикнуть.

В подобной ситуации и сделал свой выбор Димка. Он перестал вообще думать, что есть у него родной отец. Димка выбрал свободу, предоставленную ему матерью, и стал жить, как ему хотелось.

Когда отец этим летом позвонил Димке, чтобы поздравить с первым в его жизни юбилеем (ему исполнилось двадцать пять) и вручить подарок, то сын что-то рявкнул нечленораздельное в ответ и отключился. На повторные вызовы не ответил.

Отец обиделся? Да нет. Он винит себя и только себя в том, что сына теперь уже потерял навсегда.

Да потерял, но точно знал, что Димка здесь, поблизости, в своем городе; что чувствует себя относительно нормально. И значит? Волноваться особо не о чем. Парень взрослый, уже мужчина и переживать о нем нет причин. Верно,

не все ладно с работой (на одном месте больше трех-пяти месяцев не задерживается); правда и то, что (по слухам, а они по Ирбиту свободно гуляют) пристрастился так к материнской «свободе», что не вылезает из пивнушек, не трезвеет никогда; по слухам, сильно дружен с наркоманами.

Но когда узнал, что сын исчез, и никто не знает, где он и с кем он, то сердце защемило так, что пришлось засосать пару таблеток валидола. Тут он понял, что Димку, несмотря ни на что, по-прежнему любит и постарается сделать все, чтобы парня найти; если в беде, то спасти. Он позабыл даже последнюю сыновью грубость. Покинув Севастополь, Савелий Иванович обошел всех дружков-собутельников, попытался через них узнать, что могло случиться с Димкой, почему его не может найти даже полиция, однако никакого результата. Дружки, находясь под кайфом, лишь странно хихикали, проявляя тем самым явные признаки психического расстройства, хмыкали и утверждали, что последний раз кореша, то есть Димку, видели в конце августа, и он был бухой, а также, скорее всего, хорошо так уколотый.

Фирмачка

Савелий встал довольно поздно, к тому же с чугунной головой. Из-за того, что много раз просыпался, а потом долго не мог заснуть. Заснув же, раз за разом возвращался один и тот же сон: хищные и страшные демоны кружатся над ним, громко хлопают двухметровыми крыльями, неестественно пищат и своими длиннющими клювами пытаются тюкнуть его в голову.

Спустив босые ноги на прикроватный коврик, потянулся до хруста в костях, протяжно зевнул, взял с тумбочки перекидной календарик и почему-то недовольно проворчал:

– Хм... Понедельник, первое октября... О чем-то эта дата мне напоминает. О чем? О делах службы? Вряд ли... График – два через два. Суббота и воскресенье были мои рабочие деньки и впереди законные выходные... И... Какие ко мне вопросы?.. Ничего не знаю и знать не хочу.

Встав и еще раз потянувшись, подошел к окну. На улице обычная для этого сезона погода: жутко пасмурно, а сверху валит то ли снег, то ли крупа, то ли морозящий мелкий дождь.

Шлепая босыми ногами по теплому полу (он с подогревом), прошел сначала в ванную, потом на кухню, где его ждал завтрак, заботливо приготовленный и оставленный женой, которая в этот поздний час на работе.

С невероятной скоростью поглощая завтрак (от армии привычка осталась), он думал о том, что ему сегодня предстоит крайне неприятные или даже омерзительные визиты. Скашивая влево глаз, он видел на столешнице записку Евдокии. Он знал, что в записке, поэтому не спешил ознакомиться – обычные, полагает он, поручения по хозяйству: скорее всего, выхлопать ковры и пропылесосить квартиру... Ну... Или еще чего-нибудь жена придумала. Без работы хлопотунья не оставит. Савелий не ленив, но его мысли сейчас совсем не о доме. Еще вчерашним вечером, под конец дежурства решил сделать визиты. Верно, не хочется, но надо.

Савелий прошел в гостиную, взял свой сотовый, и хотел было набрать номер абонента, но передумал. Решил заявиться без предупреждения, дабы исключить возможность уклонения от встречи. Выставит за порог незваного гостя? Еще чего! Хоть и хозяйка в офисе, но это не её личное пространство. Может устроить хай? Может, она многое может, но это будет удар по имиджу делового человека, каковым она хочет из себя казаться.

И вот он перед двухэтажным старинным кирпичным зданием, являющимся (это Савелий хорошо знает) памятником регионального значения. Красив домик, добротен, до революции принадлежал купеческому семейству – это было в девятнадцатом веке, а в двадцать первом уже офис в аренде частной швейной фирмы «Леди», выполняющей заказы богатых и успешных предпринимательниц, чей месячный до-

ход не меньше миллиона рублей; с другими деньгами сюда и совать носа не стоит. Миллион российских – это немного для Москвы, а для Иrbита – огромные деньги.

Поднявшись по мраморным (с царских времен сохранившимся) ступеням высокого парадного крыльца, дёрнул за отливающую медью ручку, которая сама по себе уже является ценнейшим произведением искусства, однако дверь не подалась. Савелий пробурчал:

– Вот как встречают клиентов...

Внимательно изучив все, что окружает дверь, обнаружил нечто, то, что может являться звонком. Нажал и за дверью мелодично зазвучали колокольчики. Савелий вновь пробурчал:

– Не наше, старинное... Сохранили.

Не сразу, но дверь перед ним отворилась. Он признал в охраннике чоповца, когда-то и где-то с ним пересекался.

– К кому? – коротко спросил он.

– Привет, коллега, – усмехаясь, ответил Савелий.

– Не припомню, чтобы...

Савелий прервал, ибо не в его интересах было затевать дебаты.

– Подумаешь и вспомнишь обязательно. Худая у тебя память... Ничего... Бывает... А я к твоей хозяйке.

– Не понял... О ком речь? – Охранник, скривившись, мотнул головой.

– У тебя так много хозяев?

– За глаза.

– Я имею в виду Сергиевских Светлану Львовну.

– А-а-а... Так... Ну... Это... Она не моя хозяйка.

– Как это? Ты же ей служишь, не так ли?

– Нет не так. Я служу в частном охранном предприятии «Зубр» и мой хозяин...

– Хорошо-хорошо, коллега... Так Светлана Львовна, насколько мне известно, у себя...

– Клиент? Договаривался?

– Разумеется. Я, видишь ли, к именинам жены сделал заказ и хочу знать, что с ним.

– На примерке были?

Притворно, но Савелий возмутился.

– Ну что ты, в самом деле, на пороге устраиваешь допрос с пристрастием?

– Действую согласно порядку. – Он окинул фигуру Савелия и остался, очевидно, доволен результатами осмотра. – Прошу.

– Давно бы так, а то...

Охранник, поднимаясь по широкой и старинной лестнице на второй этаж, прервал клиента.

– Как доложить?

– Как-нибудь сам, – ответил решительно Савелий и тут же уточнил. – Мы настолько близки, что в представлениях не нуждаемся.

– Понял... Налево, вторая дверь... За последствия не от-

вечаю.

Савелий, насторожившись, остановился на ступенях.

– Что еще за «последствия»?

– Ну... Если «своего близкого знакомого» прикажет спустить с лестницы и выкинуть на улицу.

– Да? Это возможно?

– Еще как! Бой-баба. С нее сбудется.

– Неужто было такое?

– И даже не раз. Женщины такие: вчера был близким, а сегодня не захочет даже видеть, а то и хуже – готова будет убить.

– Ничего, коллега. Со мной этот номер не пройдет.

Охранник ухмыльнулся.

– Дай-то Бог...

Свидание

Бывший муж вошел, очевидно, в приемную фирмачки, но за столами, стоявшими впритык, никого не было. «Мне на руку», – подумал он и, дернув ручку одной из дверей, вошел, остановился, давая возможность хозяйке прийти в себя.

Хозяйка, сидя за большим столом и глядя в окно, разговаривала по сотовому, поэтому увидела вошедшего не сразу. Только после того, как услышала знакомый голос.

– Привет, – сказал бывший муж.

Светлана Львовна от неожиданности (кого-кого, а уж его-то она точно не ждала и вряд ли жаждала видеть) вздрогнула, повернулась на голос и с минуту молча рассматривала бывшего мужа. Потом, взяв себя в руки, неприязненно сказала:

– Раз уж явился, проходи.

Савелий поправил:

– Являются только черти.

Хозяйка хмыкнула и, не церемонясь, спросила:

– Ты чем лучше? Пожалуй, даже похуже черта будешь.

Савелий невольно подумал: «Женщина, начинающая увядать и теряющая одного за другим своих воздыхателей, обычно клянет мужчин, сетуя на их несносный нрав». Савелию показалось: только что румяное лицо бывшей жены побелело. Проходя к столу, за которым сидела хозяйка, подумал: «Отчего бы? Причин нет... Не та баба, тут охранник

прав, чтобы кого-то бояться, тем более, смущаться».

Придя в себя, Светлана Львовна грубо бросила:

– Ну! Зачем пришел?

– Не груби! По делу я... Давно собирался составить с тобой разговор.

– Никаких общих дел давно уже у нас нет. Забыл?

– Нет, Свет, есть одно дело... Осталось...

Бывшая жена заорала:

– Я – Светлана Львовна, понял?! Для всех! Прежде всего, для тебя!

– Извини... Понял...

– То-то же! Хамло мужское надо сразу ставить на место.

– Ну, поставила на место. А теперь успокойся... Дело, которое было и останется, Светлана Львовна, одно, но существенное – наш общий сын, Димка... В газете прочитал, что исчез... Давно уже... Не объявляется... Что с ним, не знаешь?

– Не знаю! – решительно и по-прежнему грубо отрезала бывшая жена.

– Но, может, что-то странное заметила в день исчезновения или накануне?

– Не твоя печаль – чужих детей качать!

– Как это «чужих»? – возмутился Савелий. – Он мой сын!

Родной! Единственный!

Светлана Львовна ехидно процедила:

– Вспомнил.

– Об этом не будем: не та ситуация и не то место. Ты отлично знаешь, кто от меня отвадил сына.

– Что хочешь от меня?! – истерично взвизгнула бывшая жена.

Савелий спокойно ответил:

– Хочу всё знать.

– Издеваешься, да? Мать места себе не находит сколько дней, а ты пытаешь. Повторяю: ничего не знаю, но хотела бы знать, где сейчас мой любимый сынок?

– Надо что-то делать, – по-прежнему спокойно отреагировал Савелий.

– Ты, что ли, делаешь?! Написал кто заявление в полицию? Не ты, а я! Кто, опять же, установил материальное вознаграждение всякому, кто сообщит о сыне хоть какие-то сведения. Заткнуться бы тебе и не бередить материнскую рану... Без тебя тошно и хочется сутками с горя выть волчицей.

– Ну, я тоже...

– Что «тоже», а?! Помощничек выискался!

– С его дружками разговаривал... Выпытывал, не знают ли они чего-нибудь о Димке.

– Какой результат? – издевательски спросила бывшая жена.

Савелий развел руками.

– Никакого... Увы...

– Вот дурак, а! Да если бы они, его дружки, что-то знали,

то давно бы стояли в очереди за моим вознаграждением.

– Не груби и не оскорбляй. Я Димке отец кровный, а тебе давным-давно никто. Чуешь?

– Еще слово и выкинут тебя отсюда вперед ногами.

– Это я знаю... – Савелий встал. – Плохое получилось у нас свидание.

– А чего ты ждал? На что рассчитывал, безмозглый осел?

– Мы должны оставаться людьми.

– Только не с тобой! Ты мне всю судьбу искалечил.

– Не гневи Бога, Светлана Львовна. Оглянись, посмотри вокруг... Тебе ли жаловаться на судьбу, когда вся в шоколаде.

– Счастье женщины не в богатстве...

Савелий прервал.

– Ну, что касается любви, то ты и тут не обделена мужским вниманием. Начнешь твоих мужиков считать – пальцев двух рук не хватит... Твое ложе от мужских тел не остывало... Даже тогда, когда мы совместно проживали.

– Вон! Пошел вон, скотина!

– Ухожу. Но заявляю: сделаю все от меня зависящее, чтобы Димку найти, чтобы выполнить отцовский долг.

– Ну-ну! Действуй, калека. Полиция с ног сбилась, а этот получеловек что-то сможет сделать.

– От тебя уже такого наслушался, что теперь любое твое оскорбление мне нипочём.

Прошение

Спустившись с крыльца, Савелий Иванович Низковских огляделся. Завидев слева, почти что рядом, уличную скамейку, прошел, присел. После того, что услышал только что, решил прийти в себя. И подумать, что делать дальше. Конечно, он не забывает, что дома ждут неисполненные поручения Евдокиюшки, но...

Сидит под тополем, только что сбросившим последние листья и нехотя покачивающим старыми ветками, думает, разумеется, о странном исчезновении Димки, сына своего. Понимает: что-то надо делать, но что именно? Спросить ему некого. Да и вряд ли кто-то со стороны может посоветовать. Может?..

Вынимает свой простенький сотовый и набирает номер. Гудки проходят, но никто не отвечает. Хотел уж отключиться, но тут услышал знакомый с хрипотцой (курит с лишком много) голос.

– Да... Слушаю.

– Привет, Лёха!

– Савва, что ли?

– Он самый... Как жизнь молодая?

Он услышал раскатистый смех.

– Сказанул!

– А что? Пятьдесят с хвостиком – для такого мужика –

не возраст.

Лёха вновь рассмеялся.

– Может, и не возраст, однако, Савва, песок из одного места сыплется, обильно так посыпает мои тропинки.

– Ну, ладно... Ты сильно занят? Можешь говорить? Если...

Лёха прервал церемонии.

– Дома я. Свободен от дежурства... То есть выходной... внеочередной... за воскресную работу.

– Всё трудишься, значит?

– Денежка не ахти (сейчас я освобожден от дежурств, трудненько стали даваться суточные бдения, поэтому заведу оружейной комнатой), но пенсионеру не могут быть и они лишними.

– В том же ЧОПе?

– Да... Никто другой теперь во мне не нуждается.

– Это верно... Отработанный мы материал.

– А ты, Савва? Все там же?

– Топчусь помаленьку...

– Наверное, в деньгах не обижают. Сбербанк как-никак.

Фирма богатая.

Низковских хмыкнул.

– Наше начальство, скажу так, не в обиде. А наш брат... Крохи с барского стола... Но я доволен и этим.

В голосе Лёхи просквозила обида.

– Редко стал звонить. Забываешь, Савва, однополчан. От-

далился.

Тут надо пояснить.

Золотых Алексей Евгеньевич, ровесник и однополчанин Савелия Ивановича, к которому судьба оказалась более благосклонной: за тринадцать месяцев выполнения интернационального долга в Афганистане его не коснулась ни одна душманская пуля, мимо, ужасающе свистя, пролетели, не коснувшись его, и осколки мин. Редкое везение. Через несколько лет, уже, будучи в запасе, бывший десантник, а нынешний, то есть на то время, старший оперуполномоченный уголовного розыска местного УВД, решил еще раз попытать счастье, поиграть с судьбой в кошки-мышки (адреналина, видно, не хватало), подал рапорт и был отправлен в пылающую в огне Чечню. И там повезло: отделался легким проникающим ранением мягких тканей бедра, можно сказать, царапнуло. На больничном, но уже дома, пробыл всего-то десять дней. Савелий справедливо тогда назвал Лёху счастливымчиком. Потому что ему так здорово не повезло: уволился из армии инвалидом. Сначала дали вторую группу, а потом очередная комиссия посчитала слишком жирным и перевела Савелия на третью группу. Мог, говорили, оспорить решение и потребовать переосвидетельствования, но он плюнул, и затевать волокиту не стал. Посчитал вымаливать для себя что-то там унижительным.

Упрек Савелий не оставил без ответа.

– Ты? Тоже самое же. Я вот позвонил, а от тебя бы звонка

не дождался.

– Оба хороши – это правда, Савва... Как живешь? У тебя все в порядке? Как жена? Дочь? Она не выскочила замуж?

– Слава Богу, Лёха, нет.

– Почему «слава Богу»? Дедом не хочешь стать?

– Хочу. Но дочь считает, что ей заводить семью еще рано. Заявляет, что вот получит диплом и тогда только станет об этом думать... Как, Лёх, считаешь, она права?

– Пожалуй... Нынешняя молодежь – практичная. Всё просчитывает и взвешивает. Мы были, скажи, бесшабашными

Лёха хмыкнул.

– Точнее, безмозглыми: сначала совершали поступки, а только потом задавались вопросом: зачем?

Савелий грустно усмехнулся, примерив сказанное на себя.

– Как выражался отец русской демократии, да уж...

– Если правильно понял, у тебя, Савва, на всех фронтах полный порядок.

– М-м-м... Как сказать.

– Нет, не так? Что-то случилось?

Ответил вопросом на вопрос:

– Неужто ничего, Лёха, не слышал?

– А, что, прости, я должен был услышать?

– Димка, сын от первой жены, исчез.

– Давно?

– Достаточно, чтобы забить тревогу.

– В розыске?

– Бывшая жена оформила заявление... На днях встречался с его друзьями, но те ничего не знают.

– Не знают или не хотят говорить?

– Откуда мне знать? Чужая душа – потёмки.

– Так-так-так... Понятно... Интересовался, что предпринимает полиция?

– Пока нет... Впрочем, если бы что-то на их горизонте появилось, то сообщили бы, наверное. Хотя... Вряд ли они будут передо мной раскрываться. Вот если бы... Кто-то другой... близкий им...

Однополчанин согласно кивнул.

– Пожалуй.

– Скажи, Лёх, что ты думаешь о нынешнем начальнике управления? Знаком с ним?

– К несчастью, Савва.

– Как тебя понимать?

– Видишь ли, появился он за полгода до увольнения моего в отставку. Сразу с академической скамьи и стал начальником нашей уголовки, представляешь? Сопля зеленая, в глаза не видел ни одного преступника и на тебе – наш начальник.

– Ну... Может, умом блещет вот и...

– Может, и блистал, – Лёха расхохотался, – но другим. Мы разнюхали, кому обязан карьерой.

– Интересно, кому?

– Тестю!

– В больших чинах он?

– Генерал внутренних войск... был.

– А сейчас?

– В отставке. По возрасту. Хотел, будто бы, зятка, перевести в Екатеринбург, на хорошую должность, но... Видимо, отставка оказалась скорой и он не успел. Вот так и застрял в провинциальном Ирбите этот тупоголовый выскочка.

– Не жалуешь, а жаль... Через него можно было бы кое-что разузнать о ходе поиска.

– погоди, Лёх, а я смогу кое-что выяснить...

– Через кого, если?..

– Кое-какие связи остались. Не наверху, но это, может, и к лучшему. Между прочим, передо мной в долгу.

– Как это?

– Он также пришел из нашей академии, юридической, но ему с тестем не повезло, поэтому был приставлен ко мне в качестве стажёра. Повозился с ним, но ничего, кое-что все-таки получилось из него.

– Кто это?

– Устьянцев... Далекo не продвинулся, но все-таки заместитель начальника местной уголовки – это что-то да значит... Созвонюсь вечерком, предложу встретиться за кружкой пива: если не скурвился за последние годы, что меня нет в полиции, то разузнаю многое через него.

– Спасибо, Лёх. Ты настоящий однопoлчанин.

– Благодарить меня не за что и рано... После встречи –
наберу тебя. Жди. Договорились?

– Буду ждать с нетерпением.

Служаки

Отключив связь, Савелий Иванович облегченно вздохнул, встал, отряхнулся от приставших к брюкам влажных тополиных листьев и пошел на остановку общественного транспорта. Теперь, считает он, можно будет заняться и поручениями любимой жены. До ее прихода с работы (он взглянул на наручные часы) времени вполне хватит и даже с лихвой.

...Поздним вечером, когда Савелий собирался отойти ко сну, позвонил Алексей, однополчанин.

– Привет!.. Прости, что беспокою в такое неподходящее время, но посчитал необходимым поставить в известность... Чтобы не томить тебя, чтобы у тебя была возможность предпринять дополнительные меры, что бы не питал особых иллюзий.

– Пугаешь, Лёх.

– Не пугаю, Савва, а настраиваю на действия.

– Что-то выяснил?

– И да, и нет.

– Не понимаю.

– Тимка... Прости... Майор Устьянцев, оказывается, знает об объявлении в розыск твоего сына. Хотя, если вдуматься, ничего удивительного нет: что ни говори, но бывшая твоя жена – не последний человек в Ирбите, знатная дама, почти королева; так сказать, богатая и успешная; в друзьях у нее

вся городская элита; как сказал Устьянцев, ее услугами пользуется и жена полковника Морозова, начальника УВД...

Проявляя нетерпение, Савелий Иванович, фыркнув, прервал.

– Знать и дружить – совсем не значит действовать.

– Пожалуй, Савва, с тобой соглашусь. Короче, ни мычат, ни телятся.

– По части розыска, что ли?

– Именно. Со слов Устьянцева, полиция считает, что пороть горячку ни к чему; дескать, избалованный барчук (это про твоего Димку) забурел и, скорее всего, в Москве сейчас и шляется по столичным ночным заведениям. А там искать, что иголку (с этим я согласен) в стоге сена.

– М-да... Ну и служаки...

– Ты о полиции?

– О ком же еще-то?

– Верно: мужики не потеют на службе.

– Я так и думал.

– Насчет чего?

– Что полиция станет гужи рвать; что на нее полагаться не стоит.

– Хочешь совет, Савва?

– Если по делу, то да.

– Нужно хорошего такого пинка дать.

– Полиции, что ли?

– Да, Савва.

Савелий Иванович грустно усмехнулся, чего, конечно, Алексей не мог видеть.

– Я бы с большим удовольствием, но не в моей власти.

– Напрасно так думаешь.

– Вот как?

– Да.

– Тогда разуй мне глаза.

– Иди в городскую прокуратуру, запишись на прием к прокурору, именно, к самому прокурору, а не к его помощникам. Обскажи историю, нажми на то, что полиция не предпринимает никаких мер. Он, как основной надзирающий за деятельностью правоохранительных органов, вправе лягнуть крепко и заставить заняться поиском твоего сына. А так... Жди, когда рак на горе свистнет.

– Дело, Лёх, говоришь.

– Кстати, Савва... Извини, что лезу в душу, но скажи мне: к чему ты сам склоняешься? Что могло, на твой взгляд, случиться с сыном?

– Ей-Богу, не знаю.

– Все-таки: отцовское сердце не может молчать.

– Это так, но... Тревожно, Лёх... Боюсь, что он в беде...

– Например?

– Ну... Говоря языком твоих полицейских, здорово забурел.

– Имел, извини, склонность?

– К сожалению... Скрывать от тебя не буду.

– Тогда...

Савелий Иванович решительно прервал однополчанина.

– Но это для меня ничего не значит. В любом случае Димку надо спасать, вытаскивать из беды, а она, то есть беда, в любом случае налицо.

На это Алексей Золотых сказал:

– Тем более не должен терять время.

– Не намерен, Лёх... Спасибо тебе за всё. Спокойной ночи. И будь здоров. Да... С твоего позволения, если понадобится вновь твоя помощь, за собой оставляю право обратиться...

– Ну, Савва, какой разговор! Звони... Без всяких заморочек. Всегда в твоём распоряжении. На то и однополчане, чтобы...

– Вот именно, – и Савелий Иванович повторил по слогам, – од-но-пол-ча-не.

У прокурора

К девяти утра Савелий Иванович Низковских уже был в прокуратуре. Ему повезло: оказалось, что прокурор принимает раз в неделю и именно по вторникам, с шестнадцати до восемнадцати. Потом еще раз повезло: его зарегистрировали последним, а всем другим (их было около десятка) предложили прийти через неделю. Он отметил про себя: «Два везения подряд – хороший знак».

Он не первым в очереди на прием и мог бы прийти позднее, однако в 16.00, как штык, уже сидел в приемной и с нетерпением ждал своего часа.

Вот и его пригласили в кабинет. Он вошел, поздоровался. Прокурор, почему-то мрачно глядя на него, кивнул и рукой предложил пройти и присесть.

– Что у вас? Слушаю.

Савелий Иванович выложил все, что знал и тревожно замолчал.

– Так... Прошло больше тридцати дней, а результата никакого, – прокурор посмотрел на бумажку, лежавшую перед ним, в которой он делал какие-то пометки во время монолога посетителя и продолжил. – Вы разведены, и сын живет у матери: именно Светлана Львовна, – Низковских мгновенно просёк, что прокурор знаком с его бывшей женой, так как он в рассказе этого не говорил, – обратилась с заявлением...

Вы с женой после этого разговаривали?

Савелий Иванович понял, что вопрос касается не нынешней, а прежней жены. Поправлять не стал, ибо не мог предвидеть, какая может последовать реакция.

– Вчера, – ответил он.

Прокурор кивнул.

– Согласно закону в течение тридцати дней заявительнице должны были дать мотивированный ответ. Светлана Львовна получила его?

– Ну, не знаю... Скорее всего, нет... Иначе, наверное, сказала бы.

– Какие у вас взаимоотношения с женой? Скорее всего, неприязненные, ведь так?

То, что прокурор упорно называет женой, а не бывшей женой, стало раздражать, но он вновь сдержался. Кивнув, ответил:

– Мягко говоря, прохладные. Но, гражданин прокурор, это к моему делу не имеет никакого отношения.

– Тут вы, гражданин, глубоко заблуждаетесь. Неприязненные отношения в семье – это есть результат плохого воспитания детей, – постучав ручкой о столешницу, назидательно добавил. – Только в благополучной семье могут вырасти благополучные дети. По-другому не бывает.

– Возможно, вы и правы, но...

– Поверьте моему опыту.

– Верю... Но... Как с моей жалобой?

– В сущности, гражданин, пока жалобы нет.

Низковских удивленно посмотрел на прокурора, пытаясь определить, шутит тот или нет.

– Как так, гражданин прокурор?

Прокурор не ответил, а вместо этого нажал какую-то кнопку на пульте. Зазвучал милый женский голос:

– Слушаю, Юрий Васильевич.

– Забей, Наташа... На компьютер... Ну, там, где надо, поручение... Пусть Серова займется гражданином... э-э-э... – посетитель пришел на помощь и напомнил свою фамилию, – Низковских... Оформи как следует и поставь на контроль.

– Я поняла, Юрий Васильевич.

Прокурор отключился и поднял глаза.

– Все... Вы свободны.

– Но... Я...

– Для документального оформления секретарь проводит к моему помощнику. Серова хорошо знает, что ей следует в этом случае предпринять.

Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как Савелий Иванович в кабинете исполнителя поручения прокурора написал письменную жалобу; на его же глазах бумага была отсканирована и легла (вместе с оригиналом жалобы) в тошную папочку, после чего Серова Валентина Олеговна без каких-либо эмоций, которые прокурорскому работнику, очевидно, не к лицу, сухо сказала:

– Будет прокурорская проверка. О результатах получите

мотивированный ответ.

Низковских, поняв, что ему пора откланиваться, встал.

– Когда, простите?..

Валентина Олеговна поняла его, поэтому прервала.

– В течение тридцати календарных дней.

– Но... За это время...

Помощник прокурора резко отрезала:

– Скорее не можем.

– Но... Полиция хотя бы зашевелится?

– Не могу сказать.

– Почему?

– Ну, для начала: шевелиться она обязана была без вашего обращения в прокуратуру и без нашего прокурорского вмешательства, однако, как видите... Результат вам известен... По правде говоря, сил у полиции нет, чтобы полноценно разыскивать потерявшихся забулдыг – их слишком много.

– Значит?..

– Особо не надейтесь, – помолчав, добавила. – Исходя из практики, парень набегается и благополучно вернется в лоно семьи. Не ребенок и ничего, уверяю, с ним не случится.

Низковских печально ухмыльнулся.

– Вы оптимистка.

– И вам, гражданин, советую не пороть горячку, а набраться того же самого – оптимизма. И терпеливо ждать.

Савелий Иванович вышел на улицу. Там сгустились ранние осенние уральские сумерки. Прокуратура недалеко: в трех остановках от его дома. Он пошел пешком, потому что полчаса (в лучшем случае) ждать в это время маршрутку или автобус – не имеет смысла. К тому же голову надо проветрить: вон, какой холодный ураганный ветер гуляет в вершинах придорожных тополей.

Он шел и вспоминал подробности его посещения прокуратуры. Ничто не утешило. Да, он будет ждать результаты прокурорской проверки. А что остается, если сами сотрудники прокуратуры не верят, что полиция после их пинка, если даже таковой будет, зашевелится? Полагаться на счастливый случай, авось, дескать, пронесет и Димка в самом деле объявится? Это, как считает Савелий Иванович, можно, но надо ли? Разумно ли сидеть и ждать у моря погоды? Он не уверен. Скорее всего, нужны с его стороны решительные действия. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Какие именно действия? Что он может? Ничего, точнее, почти ничего. Что еще за «почти»? А то самое! Он не забывает, что может обратиться за помощью. Он обязан, не теряя больше времени, обратиться. Это у него единственный шанс, хотя бы что-то прояснить. И он прояснит, несмотря ни на что. Деньги? Да, их у отца не много, но он наскребет, обязательно наскребет. В ущерб семейному бюджету? Да, но Савелий Иванович надеется, что его Евдокиюшка поймет, препятствий чинить не станет. Не было никогда такого, чтобы

вторую жену жаба душила. Дочурка? Ну, она тоже поймет отца: решается вопрос жизни сродного брата все-таки. Семья небогата, живет скромно, не позволяет ничего лишнего. И что? Не голодают же! По миру с сумой не пойдут. У него пенсия, плюс заработок; жена работает. Ничего выкрутятся.

Итак, решено!

Савелий Иванович пришел домой, взглянул на календарь, удовлетворенно хмыкнул, пробурчав вслух: «Пора». Среда и четверг – дежурит, значит, не сможет, а вот в пятницу... После ужина состоялся семейный совет. Ни жена, ни дочурка – не разочаровали: выслушав отца и мужа, решение поддержали единогласно. Насчет бюджета жена и дочь коротко и ясно выразились: «Ужмемся!»

Порадовался: с такой-то семьей, как у него, – хоть в огонь, хоть в воду. Ничего не страшно, никого не боязно. Повезло. Не с первого раза, да, ну и что? Конечно, для полного счастья, точнее, абсолютного, ему бы сынульку. Но... Всевышнему виднее, как с этим распорядиться. Всевышний и так вознаградил. Что еще ему? То, что имеет, – за глаза.

Если завтрашнее дежурство окажется без происшествий, то он, Савелий Иванович Низковских, позвонит и условится о встрече на пятницу. Наверное, лучше будет на первую половину дня. Если, понятное дело, та сторона будет готова к разговору. Рейсовым автобусом или на своей машине? Ну, это можно будет решить накануне. Он не думает, что возникнут проблемы с билетами. Автобус Тавда – Екатеринбург

обычно не бывает стопроцентно заполненным. Через Ирбит также ходят автобусы и других маршрутов. Например, Туринск – Екатеринбург. Короче говоря, с этим проблем не будет. С этими мыслями и, повернувшись на левый бок и положив под щеку ладонь, заснул Савелий Иванович.

Глава 3. Иллюзии насчет власти растворились и...

Отпускник

Директор частного сыскного агентства «фас» Фомин традиционно появился в офисе строго на час позднее своей помощницы, которая, когда он вошел и с минуту отряхивал с куртки влажные снежинки, с кем-то разговаривала по телефону и, судя по её сухим и отрывистым репликам, была чем-то или кем-то уже недовольна. По этой или по какой-то иной причине Галина Анатольевна хмуро глядела в запотевшее окно и не выказала никакого внимания к шефу.

Расправив влажную куртку, повесил у входа, прошел к столу делопроизводительницы и положил перед ней большой букет астр: ее любимых белых роз у цветочницы на этот раз не оказалось. Цветочница объяснила: в день всеобщего бракосочетания, то есть в пятницу, чуть свет выстраивается очередь; так что расхватали.

Галина Анатольевна, положив трубку стационарного телефона, взяла астры; понюхав, от удовольствия раскраснелась.

– Соскучилась, – смущенно опустив взгляд вниз, тихо произнесла она.

Директор агентства расплылся.

– Позвольте, сударыня, всё-таки уточнить: по ком больше всего скучали – по шефу или?..

Лицо женщины тотчас же посуровело.

– Прекрати дурью маяться, – произнесла она, ставя цветы в вазу, в которой давно и явно этакой красоты не было. И, притворившись недовольной, проворчала. – Транжиришь деньги, а зачем?

– Непонятно, да?

– Не миллионер...

Фомин, понимая, что дальше последуют обычные сетования насчет бережного расходования семейного бюджета, прервал.

– Для обожаемой мною сударыни никаких миллионов не жалко.

Галина Анатольевна, рассмеявшись, парировала:

– Как можно жалеть то, чего нет и вряд ли будет?

– Но-но! – Директор, насупившись, погрозил пальцем. – Без пессимизма, пожалуйста.

Женщина шутливо ответила:

– Есть, гражданин начальник! Без пессимизма так без пессимизма. Буду с этого часа активно заряжаться оптимизмом.

Фомин удовлетворенно хмыкнул.

– Совсем другое дело, обожаемая.

– Постой-ка, любезный...

– А что такое?

– Обожаемая, говоришь?

– А ты сомневаешься?

– Но до отдыха на Черном море, насколько помню, числилась в любимых у тебя... Что-то изменилось, да? Мой статус понизил? Теперь, получается, какая-то другая в любимых у тебя числится? Подцепил всё-таки, да?

Шеф смущенно отвел глаза в сторону. То, что жена ревнует его, – радует. Но... Как бы шутка (конечно, шутка, ибо он обожает по-прежнему молодых и красивых, но изменить – ни за какие коврижки) не обернулась проблемой. Женщины мнительны и могут приревновать, если в голову взбредет, даже к фонарному столбу.

– Понимаешь, ты для меня была и всегда будешь единственной, любимой женщиной. А то, что иногда выражаюсь как-то иначе, – это так стараюсь пополнять словарный запас новыми прилагательными.

Галина Анатольевна рассмеялась.

– Причина уважительная... Прощаю... – Она встала, взяла со стола несколько папок с документами и пошла в кабинет шефа. Он поплелся следом. Там положила на стол. – Для ознакомления и принятия решения по существу.

Директор прошел на свое рабочее место, сел в кресло, покрутился на нем, передвинул папки с места на место и проворчал:

– Накопила-таки. На неделю хватит. Кстати, – он поднял глаза на помощницу, – как дела по третьему кварталу?

– Немного в плюсе.

– Значит, с налоговиками не будет проблем?

Помощница кивнула.

– Не будет.

– Что ж, замечательно... С новыми силами – за дело.

Галина Анатольевна напомнила:

– Не забыл, что согласился на встречу?

– Нет-нет... Как же... Договорились... Еще на Черном море... Правда, надеялся, что всё само собой у земляка утрясется... Но, получается, что нужна все-таки ему моя помощь... Так понял по его голосу.

У помощницы, у которой выработалась с годами привычка глубоко не влезать в дела шефа, не любопытствовать лишку, в этот раз нарушила правило.

– Что-то серьезное?

– Эх, сударыня! Спросили бы что-нибудь полегче. Откуда мне знать? Может, всего лишь нервы шалят, без причины психуют и горячатся. Сколько раз, вспомни, такое было? На второй день оказывалось...

Женщина, собираясь уходить, покачала головой.

– Вспомни, чем закончилась история годичной давности⁴?

Думал, что пустяковая история и?..

– Согласен, сударыня, случаи бывают разные, поэтому сразу и не отмел просьбу. Посмотрю. Послушаю господина.

⁴ Имеется в виду трагедия, ставшая основой детективного романа «Тайна соснового бора».

Если почувствую, что меня хотят втянуть во что-то неопытное, ты знаешь, решительно откажусь. Понимаю, что деньги не пахнут, но это не по мне, не для меня. Одиннадцатый год хожу в частных сыщиках, а не разменялся ни разу, хотя предлагали хорошие бабки.

Галина Анатольевна вернулась, погладила по голове и сказала:

– Правильный, конечно, правильный мужичок.

В голосе женщины почувствовал иронические нотки.

– А не так, да?!

– Так, все так, мой любимый шеф.

Подтвердив, поспешила ретироваться. Потому что далее мог начаться длинный монолог, а у нее сегодня много работы. Впрочем, у шефа не меньше. Главное – шефу перед предстоящей встречей надо собраться с мыслями, сосредоточиться, не упустить из разговора ни одной детали, запомнить и зафиксировать любой нюанс.

А Галина Анатольевна? Если что, то она будет готова. За ней дело не станет. Набила руку на делопроизводстве. Типовые договора, например, имеет на любой случай. Так что...

В Екатеринбурге

Автобус сообщением Тавда – Екатеринбург, преодолев расстояние без малого четыреста километров, грузно, пыхтя, чихая и отдуваясь, втянулся на платформу Северного автовокзала.

Ирбитчанин, прибывший этим рейсом, взглянул на циферблат наручных часов: было без четверти десять. Автобус несколько запоздал. Потому что на всем пути шел густой мокрый снег, а по такому дорожному покрытию не разгонишься.

Покинув территорию автовокзала, Савелий Иванович, а это был он, спросил какую-то женщину, как пройти по названному им адресу. Женщина охотно откликнулась.

– Почти рядом. Метров пятьсот – не больше. Подземным переходом перейдите на другую сторону улицы Челюскинцев, потом поверните налево, там будет еще один подземный переход, по нему пересечете улицу Свердлова, поверните направо и все прямо-прямо. Слева будет девятиэтажка правильной геометрической формы. Вы ее сразу узнаете: она одна такая.

Ирбитчанин, засомневавшись, спросил:

– А где Покровский проспект находится? Мне его называли.

Женщина рассмеялась.

– Так это и есть улица Свердлова. При советской власти переименовали. Одно время хотели вернуть историческое название, но коммунисты начали орать, возмущаться, значит. Ну, власти города отказались от затеи. На этом все и затихло.

– Понятно.

– Простите, а что вам там надо? Может, я знаю...

– Офис частного детективного агентства «Фас». Сказали: первый этаж, вход со двора.

– Детективное агентство? – Переспросила женщина и тут же отрицательно замотала головой. – Нет, не знаю. Знаю, что там было швейное ателье, в нем была, кое-что заказывала. Насчет агентства не слышала.

– Сказали мне, что уже десять лет там.

Женщина кивнула.

– Возможно... Но я не имела дел... Далека от всего этого...

Ирбитчанин грустно усмехнулся.

– Я тоже... Жил и не думал ни о каких детективах, но жареный петух взял и клюнул, извините, в одно место... Пришлось...

Женщина сочувственно кивнула.

– Чего только в жизни не бывает.

Столь обстоятельная информация екатеринбурженки позволила Низковских быстро найти нужный дом, на фасаде которого красовалась крупная табличка, сообщающая, что

здесь размещается нужное ему детективное агентство, что вход со двора.

Преодолев несколько ступеней, открыл дверь и оказался в прихожей.

– Здравствуйте... Чуть не опоздал... Извините.

Оторвавшись от компьютера, встала симпатичная женщина, улыбнувшись посетителю, приветливо сказала:

– Добрый день... Как понимаю, Савелий Иванович?

– Так точно! – по-военному четко откликнулся ирбитчанин.

– Очень хорошо... Снимите плащ... Он весь мокрый... И проходите, – женщина показала в сторону плотно закрытой двери, на которой никакой таблички не было.

Что-то ирбитчанина заставило засомневаться. Возможно, слишком, как ему показалось, щедрое радушие, с которым его встретили.

– Простите... Это детективное агентство? Я правильно попал?

Та дверь, на которую ему указала женщина, отворилась, и в проеме показался Фомин.

– Привет, Савва, добро пожаловать. Проходи. Как доехал? Все нормально? Погода-то, гляди какая, совсем не черноморская.

Ирбитчанин облегченно вздохнул и прошел в кабинет. Галина Анатольевна плотно за ним закрыла дверь. Они разговаривали более трех часов. О чем? Не знает и знать ей необя-

зательно. Она согласна с шефом, который любит повторять: меньше знаешь – крепче спишь.

И вот дверь отворилась. Вышел шеф и произнес лишь одно слово:

– Документы.

Галина Анатольевна встала.

– Но... Необходимы сведения...

Фомин ответил:

– Будут. – Сказал он, вернулся в кабинет и через минуту вернулся с рукописным бумажным листком. – Пожалуйста. Тут все необходимое.

Галина Анатольевна открыла нужный файл с шаблоном договора. Приученная к порядку, установленному шефом, она уже знала, какой именно вариант в этом случае необходим, то есть именно для первого этапа розыска, поэтому быстро заполнила проект договора, дала задание компьютеру на печать, заработал принтер и выдал две странички договора. Проверила тщательно еще раз и отнесла к шефу. Положила документы на стол. Вернулась назад.

Прошло еще полчаса. Говоря языком документа, заказчик, то есть Савелий Иванович Низковских, и исполнитель, то есть директор детективного агентства Александр Сергеевич Фомин, появились в приемной.

Помощница встала и вышла из-за стола.

– Уже? Уходите?

Клиент развел руками.

– Увы... Время... Автобус, на котором приехал, отправляется обратно в пятнадцать часов... На него куплен обратный билет... – Он взглянул мельком на настенные офисные часы. – Сорок минут осталось.

– На голодный желудок и такой длинный путь?

Низковских заметил:

– Всего двести с небольшим километров.

Фомин добавил:

– Посоветовал Савве заглянуть впельменную, что напротив нас. Посетителей сейчас не должно быть много. Подкрепится на дорогу. – Он повернулся к клиенту и, извиняясь, добавил. – Следовало бы тебя сопроводить, так сказать, правила гостеприимства, но через пятнадцать минут назначена еще одна встреча... Не успею... Прошу прощения, Савва, – и по-товарищески похлопал по спине.

– Что ты, – Галина Анатольевна отметила, что они уже на «ты», – за все спасибо.

Фомин недовольно поморщился, кажется, без всякого притворства.

– Благодарить совершенно не за что. Ничего не сделал и удастся ли что-либо сделать – пока на воде вилами писано. Давай, Савва, цыплят по осени считать.

– Но имею право надеяться?

– Безусловно. Затасканные от частого употребления слова, но я скажу: надежда, в самом деле, умирает последней. – После короткой паузы добавил. – Однако должен сообщить,

что мы не должны скидывать со счетов и неожиданности, которые могут встать барьером. Иначе говоря, надеясь на лучшее, не стоит забывать и про возможное худшее. Надо быть готовым ко всему. Для чего я это говорю? Кстати, говорю всем клиентам. Говорю, чтобы потом не было претензий. Напридумывают в голове немыслимого, а потом не хотят мириться с другой реальностью.

– У тебя, Александр, всё получится.

– Приятно слышать. Однако, Савва, я не Господь Бог. Согласись с этим и тогда все будет в порядке. – Он легонько подтолкнул клиента в спину. – Не теряй время. У тебя его мало. Встретимся... Как условились... Не забывай про то, что на сторону не должна утекать конфиденциальная информация, известная лишь нам двоим.

– Думаешь, кто-то?..

– Не могу и этого исключить. Особенно страшны слухи в провинции, где разносятся со скоростью света.

– И даже друзьям... ни слова?

Фомин кивнул:

– Прежде всего, Савва, прежде всего. Поверь моему опыту: нынешний друг завтра может оказаться лютым врагом.

На этом исполнитель расстался с клиентом. Но, судя по всему, ненадолго.

Дружище

Фомин стоял у окна, за которым выглянуло наконец-то солнце, снег, выпавший час назад, стал плавиться; из-под колес неуклюжего троллейбуса на газон с пожухлой травой полетели фонтаны грязной воды. Он неодобрительно подумал: «Русская грязь – спутница русской осени». И тут обратил внимание на то, что перед окном, в «карман» заскочила полицейская машина, и из нее по-молодецки выскочил сухощавый стройный мужчина. Узнал. С его-то остротой зрения да не узнать!

Фомин вышел в прихожую и встретил на пороге, радостно раскинув руки.

– Привет, дружище! Куртку – в шкаф и пошли в кабинет. – Оставив открытой дверь и усаживая поудобнее дорогого гостя, предложил. – Кофе? Чай? Или (у меня найдется) что-нибудь посущественнее, а?

– Прости, Александр Сергеевич, но... Не могу... Заскочил на пяток минут... Сам понимаешь...

Фомин качнул головой и пожал плечами.

– Понимаю...

Гостю послышалась в голосе наставника обида.

– В другой раз, Александр Сергеевич, хорошо? Посидим, пропустим по стопарю...

– Не раз слышал... Ладно, – он привычно потеревил моч-

ку левого уха, – колись новостями, как в наших кругах говорят, «колись до пупа», – Фомин громко рассмеялся, что могло свидетельствовать об одном – обида на гостя оставлена позади.

– Нет-нет, так не пойдет!

Фомин смотрел в глаза гостю.

– Прости, это еще почему?

Полковник полиции Курбатов усмехнулся.

– Из источников, заслуживающих доверия, стало известно, что ты месяц валялся на Севастопольском пляже...

– М-да... «Источник» сей мне прекрасно известен; думаю, что за распускание языка заслуживает дисциплинарного взыскания.

– Александр Сергеевич, не уводи разговор в сторону... Рассказывай, как там? Обстановка, настроения и всё прочее.

– А что может случиться с Севастополем? С ним всё в порядке... Аналогично с Черным морем и его пляжами. Век бы лежал на них, и пузо грел под лучами щедрого солнца, да... Видишь ли, труба зовет.

– Как относятся к приезжим севастопольцы? Не кривят губы на россиян?

– Что в Севастополе, что у нас – народ одинаковый. Никто на приезжих не фыркает. Спросишь о чем-то, благожелательно ответят и даже, если надо, проводят. Одним словом, нисколько не почувствовал, что находился за пределами России. У себя был, на своей земле.

– Накоротке общался с аборигенами?

– Было дело... А как же

– Как они смотрят на воссоединение с Россией?

– Нормально, Алексей, смотрят. Не слышал, чтобы брюзжали даже коренные хохлы. Снимал у них комнату. И, понятно, за коньячком с ними сиживал. Но... Когда между собой они касались этой темы, то я, знаешь ли, старался не вступать в их разговор. Слушал и всё. Уважал их чувства.

– Они впервые участвовали в выборах нашего президента... И как?

– Точно также, как и в основной России. Правда, есть разница: многовато на улицах растяжек с портретами президента. Но, думаю, эйфория пройдет, трезвее будут смотреть на действительность и портретов поубавится.

Алексей недовольно покачал начавшей сидеть головой.

– Особенно после глупостей, которые позволяют ближайšie соратники Президента.

Фомин рассмеялся.

– Догадываюсь, о чем ты.

– Трудно не догадаться, Александр Сергеевич. Вся Россия видела и слышала... В одном случае, встречаясь с крымчанами и выслушивая их недовольства, прозвучала фраза: «Денег нет, но вы держитесь». Через год, слушая жалобы крымских учительниц на низкие зарплаты, тот же господин выразился вообще беспардонно, посоветовав: «Выходите на большую дорогу и торгуйте тем, что имеете».

Фомин согласился.

– Неловко получилось... Пошленько... Слово-то не воробей...

– Привыкли не давать отчета своим словам. Брякнут все, что первым взбредет в голову, – и все. Россияне проглатывают.

– Ладно, Алексей, не будем про политику. Не ради нее приехал, ведь так?

Курбатов улыбнулся.

– Прозорлив до невозможности.

Фомин, притворившись скромным, притворившись, что не заметил иронии, сказал:

– Помогает знание людей, тем более тебя.

– Собственно, Александр Сергеевич, заехал, чтобы доложить...

Фомин поспешил поправить.

– Скорее, не «доложить», а поделиться с коллегой полученной информацией.

Курбатов кивнул.

– Пусть будет так.

– Итак, что за информацию имеешь?

– Счел своей обязанностью...

Фомин вновь прервал.

– Передо мной давно уже у тебя нет никаких «обязанностей».

– Не цепляйся к словам.

– Но, Алексей, как же не «цепляться», если выражаешься неточно?

Вопрос Курбатов проигнорировал, ибо он знал, что дискуссия, к которым тяготеет его наставник, может сильно затянуться.

– Я насчет скверной во всех отношениях семейной драмы, с которой у тебя был пацан...

Фомин насторожился.

– Так-так-так... Наплел парнишка с три короба, а на самом деле...

– Ничего он не «наплёл», Александр Сергеевич. Оказывается, всё правда. И даже больше. Уже первая информация, полученная от участкового, серьезно встревожила.

– Интересно... Рассказывай, Алексей, и подробнее. Внимательно слушаю.

История, которую поведал полковник Курбатов на данный момент выглядела так...

Семья Семенцовых (Георгий Владимирович, глава семейства, работает инженером; Серафима Олеговна, жена, работает учительницей начальных классов в одной из школ микрорайона; Тамара, дочь двенадцати лет; Вадим, сын четырнадцати лет) проживает в микрорайоне «Вторчермет», числится вполне благополучной, благополучной в том смысле, что на учете никто из членов семьи нигде не состоял. Соседи? Нет, они кое о чем догадывались (часто слышали детские вопли), но держались в стороне. Более того, находились и та-

кие кумушки, которые, сидя на скамейке возле дома, часто одобрительно кивали, говоря, что нынешняя молодежь растет слишком вольной, что отец правильно делает, что держит детей в строгости; пара, другая затрещин, дескать, не повредит никому. А что Серафима Олеговна, жена и мать? Ничего. Если судить по рапорту участкового, боялась мужа-изверга, от которого и ей доставалось. Особенно опекал отец свою родную двенадцатилетнюю дочь. Следил, чтобы, идя из школы, нигде не задерживалась. Впервые отец изнасиловал Тамару, когда ей было десять лет, то есть два года назад. Потом насильственные действия сексуального характера стали регулярными. Когда же девочка оказывала сопротивление, то отец угрожал или задушить ее и закопать в лесу, или застрелить и сжечь на костре. Знала ли мать об изнасилованиях? Знала, ибо однажды дочь все рассказала, но та, то есть Серафима Олеговна, сначала не поверила дочери, а потом стала закрывать глаза на происходящее. Видел и знал четырнадцатилетний Вадим, сын. Однажды Вадим, случайно ставший очевидцем насилия, схватив нож со стола, кинулся на отца, но силы оказались неравными. Последствия? Вадим был избит отцом до полусмерти. Как отец объяснил соседям травмы у сына? Сказал, что тот связался с дурной компанией, что употребляет наркотики, что, не поделив дозу, компания между собой подралась. Вадима спрашивали. Он отрицал. Кому соседи верили? Конечно, строгому, но справедливому отцу.

Терпение парнишки кончилось, и пошел он искать защиты. Слышал, что есть детективы, которые могут помочь. Вот и пришел к Фомину. А Фомин в тот же день передал полученную информацию полковнику Курбатову.

Закончив рассказ, Курбатов надолго замолчал. Долго молчал и Фомин⁵.

– Не думал, что все так серьезно, – качая головой, наконец произнес тихо Фомин. – Не могу понять, Алексей... У меня дочь... И чтобы я, родной отец, и... Не представляю, кем надо быть...

– Однако находятся, – заметил Курбатов и добавил. – И не так уж редко... Сейчас идет многосерийное телевизионное шоу на одном из главных российских телеканалов...

– Ты про историю убийства тремя дочерьми родного отца, избивавшего и насилловавшего их?

– Да... Чудовищно то, что родственники убитого на стороне отца-насилльника.

Фомин покачал головой.

– А еще утверждают, что на Кавказе семейные устои прочны и неколебимы. Вранье! У кавказцев, как и у русских, грязи хватает. Помню, в Екатеринбурге историю, не получившую известность. Тогда отец-мусульманин (акцентирую на религиозной принадлежности, потому что это обстоятельство

⁵ Эта история, как и многие другие в этом детективном романе, не есть авторский вымысел, ибо содержится в судебном очерке, опубликованном автором в открытой периодической печати.

ство считаю крайне важным) в пьяном угаре изнасиловал свою дочь, находящуюся в недееспособном состоянии; изнасиловал на глазах родственников того же вероисповедания, не сделавших и попытки помочь ребенку, более того, потом не явились в суд, чтобы дать свидетельские показания⁶.

Курбатов покачал головой.

– Неладно в российских семействах.

– Еще как «неладно»... Да... по истории принято ли процессуальное решение?

– Естественно.

– Не всегда, Алексей, не всегда.

– Докладываю, – на этот раз Фомин придирается к слову не стал. – После проведения всех необходимых доследственных мероприятий материалы были переданы по принадлежности, то есть в региональное Следственное управление, где идет работа.

– А изверг? Не на свободе ли? Он же опасен!

– Все нормально, Александр Сергеевич: детям он не представляет угрозы: был сначала задержан, а потом судом ему была избрана мера пресечения – содержание под стражей. Правда, адвокат просил о содержании под домашним арестом. Судья, встав на защиту интересов детей, отказал в ходатайстве.

⁶ Опять же тут нет авторского вымысла. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать книгу авторских судебных очерков «Сквозь призму права». Книга вышла в российском издательстве.

– В курсе, как идет следствие?

– В общих чертах, Александр Сергеевич: уже собраны неопровержимые доказательства вины по всем статьям обвинения.

– Как ведет себя мать этих несчастных детей?

– Сначала, насколько мне известно, Серафима Олеговна всё отрицала.

– А что потом?

– После того, как муж был надежно упрятан в СИЗО, стала давать признательные показания. Да и соседи тоже вдруг прозрели.

– Вот и хорошо.

– Чтобы закончить свой доклад, обращаю внимание на еще один чудовищный нюанс в этой истории. Нюанс, говорящий о нашем полном нравственном падении.

– Ты о чем?

– Александр Сергеевич, мать насильника поливает грязью свою родную внучку, утверждая, что та вела развратный образ жизни.

– Что у бабушки есть доказательства?

– Кроме грязной клеветы, нет в этом ни слова правды. К тому же следствие сейчас располагает несколькими экспертными медико-биологическими заключениями, доказывающими совершенно обратное.

– Верх цинизма. И, к сожалению, с ним сталкивался и продолжаю сталкиваться на каждом шагу.

– Будем, Александр Сергеевич, верить в то, что наше правосудие воздаст нашему насильнику и истязателю по заслугам.

– Будем!.. – Взбодрившись, ответил Фомин. А потом, опомнившись, сбавил градус настроения и пробурчал себе под нос. – Ничего другого не остается.

Глава 4. Дни, напоённые тревогой

Опознание

Раннее утро. Рассвет еще не наступил, но его еле заметные признаки проявились: на восточной кромке ясного неба засветилась узкая бледно-розовая полоска, предвестница октябрьской зари.

Савелию спешить некуда, потому что второй выходной, а на дежурство заступать лишь завтра, то есть во вторник. Однако на ногах уже два часа, держа в руках горячую кружку с растворимым кофе и делая быстрые глотки, безостановочно ходит по кухне. Что с ним? Интуитивно что-то чувствует? Или нервы шалят после очередного кошмара, приснившегося ему ночью? Спрашивает сам себя, однако ответа не находит. По крайней мере, Савелий верит в то, что бывают вещи сны, правда (тут он пытается себя утешить), сны, будто бы, сбываются, то есть могут что-то предсказывать, если снятся в ночь со среды на четверг. Значит? Прошедшей ночью он видел обычный бред как итог длительного нервного расстройства.

Появилась жена. Протяжно зевнув, поправив рукой на голове волосы, Евдокия укоризненно сказала:

– Опять всю ночь с кем-то воевал... Кричал, махал рука-

ми и дрыгал ногами.

Савелий подошел и чмокнул жену в ухо.

– Извини, что мешал.

– Что на этот раз снилось, Саввушка?

Муж махнул рукой.

– Бред какой-то.

– Расскажи...

– Уже забыл.

Нет, он, на самом-то деле, не забыл, но решил не вспоминать, не тревожить чувствительное сердце жены, ибо (он отлично знает) станет высказывать предположения, пытаться угадать, к чему было это сновидение. Ему это надо? Нет, естественно.

Около девяти зазвонил домашний телефон. Он снял трубку. Оказывается, полиция. Мелькнула надежда, что Димка найден и сейчас ему сообщат, что с ним и где он. Но, увы! Савелия приглашали прийти на опознание найденного трупа мужчины. Возможно, сказали Савелию, это его сын.

Савелий побледнел, не совладав с эмоциями, воскликнул:

– Это не мой сын! Димка, я уверен, жив! Да-да, именно жив!

На том конце провода люди бывалые, они привыкли к подобным эмоциональным выплескам, поэтому восприняли спокойно, даже, возможно, с элементом безразличия, стали настаивать прийти.

Савелий Иванович спешно собрался, вышел на улицу, где

стояла оставляемая им машина, отключил автосигнализацию, запустил двигатель и рванул на восток, туда, где находился при городской больнице морг. Он опомнился, но уже было поздно. Благоразумнее было бы в этой ситуации ему воспользоваться общественным транспортом, Да, не так скоро, но безопаснее.

Слава Богу, всё обошлось. Савелий приехал, в одном из придорожных карманов нашел свободное место, припарковал машину, вышел. Оглядевшись, в стоявшем одноэтажном здании узнал то, что ему нужно и направился туда. Возле входа стояла полицейская машина и возле нее стояли и курили двое полицейских. Один из них, измерив пытливым взглядом, спросил?

– Низковских?

– Так точно! – Вспомнив солдатскую привычку, ответил Савелий Иванович.

Полицейский, затушив сигарету, бросил окурочок в металлический ящик, стоящий перед входом.

– Прошу следовать за мной.

Низковских, а также другой курильщик, вошли внутрь, повернули налево, туда, где была полуоткрытая дверь и откуда доносились приглушенные мужские голоса. Возле одного из столов, на котором лежал труп, полностью прикрытый простыней, стояли двое мужчин в халатах, как догадался Савелий Иванович, медперсонал. Савелию Ивановичу следовало бы поздороваться с докторами, как, впрочем, и с поли-

дейскими, но он в подобной экстремальной обстановке оказывается не каждый день, поэтому начисто забыл о правилах хорошего тона.

– Таким образом, – начал полицейский, который признал в нем того, кого надо, то есть Низковских Савелия Ивановича, производится процедура опознания трупа неизвестного мужчины... Подойдите поближе. Не бойтесь, труп не представляет опасности, смелее.

Низковских, обидевшись, фыркнул.

– Тоже мне... В армии насмотрелся...

Полицейский откинул с головы простынь.

– Смотрите внимательно...

– Смотрю, – облегченно вздохнув, сказал Низковских.

– Узнаете сына?

Низковских даже нашел в себе силы улыбнуться.

– Слава Богу!

– То есть? – Спросил полицейский, внимательно глядя на посветлевшее лицо Савелия Ивановича.

– Это не труп моего сына.

– Вы уверены?

– Абсолютно, гражданин полицейский.

– Вы когда в последний раз видели сына?

– Два с половиной месяца назад, а это какое отношение имеет к опознанию? Представленный мужчина старше Димки, разве вы сами не видите?

– За истекшее время мог измениться, поскольку умерший

вел асоциальный, судя по всему, образ жизни, выражаясь иначе, долгое время бомжевал.

– Ну и что?.. Это не мой сын – вот и все.

Полицейский продолжал настаивать.

– А все-таки посмотрите на тело. Может, найдете знакомые приметы, родимые пятна, например.

– Нет смысла далее смотреть, – продолжал уверенно возражать Савелий Иванович. – Лицо чужого человека. Да... Если говорить о родинках, то... Под нижней губой Димки должно быть родимое пятно размером с пятикопеечную монету – это наследственное, переданное от его деда по моей линии. Видите, ничего нет! – воскликнул торжествующе Савелий Иванович.

– Хм... Да... Убедительно... Факт... – Полицейский достал из папки фотографию и стал вглядываться. – Точно... Под губой есть родимое пятно и оно четко на фотке просматривается.

– А то! – Вновь воскликнул Низковских и опять рассмеялся, хотя сие место к веселью не располагало.

Полицейский вновь укрыл лицо умершего концом простыни.

– Процедура опознания окончена. Результат: это не ваш сын... Выйдем для составления протокола.

Все направились к двери. И тут, что-то вспомнив полицейский, проводивший опознание, остановился. Обернулся и спросил мужчин в медицинских халатах:

– Да... Как я понял, вскрытие произведено.. Можете назвать причину смерти неизвестного?

Откликнулся, очевидно, патологоанатом.

– Будет указана в медицинском заключении, которое подготавлию к завтрашнему утру.

– Ну, а если в двух словах?

– Все признаки алкогольного отравления, точнее будет сказать, в выпитый алкоголь был подмешан мышьяк.

– Хм... Получается, что бродягу умышленно отравили?

– Умышленно или нет – не могу сказать.

– Черт! – Правая бровь полицейского задергалась. – Не везет. Расчет строил на том, что несчастный случай, например, остановка сердца от халявной выпивки, а тут получается, что... умысел чей-то... А раз умысел, – полицейский почесал в затылке, – то возни предстоит много. Постойте, – полицейский продолжал размышлять вслух, хотя делать этого ему не следовало, – когда хозяева дачи, увидев непрошеного гостя, в гневе отравили, насильно заставили принять мышьяк?

Патологоанатом отрицательно мотнул головой.

– Вряд ли. Мужик стал бы оказывать сопротивление... Тем более, обнаружили две стареньких женщины... Нет, им не по силам.

– Могли ударить чем-нибудь тяжелым спящего.

Врач опять возразил:

– На голове или теле потерпевшего не обнаружено ника-

ких следов насильственных действий.

– Однако яд имеется.

– Имеется.

– Но как мог попасть мышьяк в организм?

– Вероятнее всего, с помощью спиртного.

– Значит, был в дачном домике собутыльник?

– Не думаю.

– Но, доктор, получается, что бродяга сам себя отравил, что ли?

– Не исключено. Хотя могло быть и другое.

– Что именно, доктор?

– Выступать с догадками – это не моя епархия. Но... Возникла мысль.

– Поделитесь, а?

– От промышляющих на дачах грабежом нет никакого спасения.

– Ну и что?

– А то, что хозяева, чтобы отвадить раз и навсегда, могли специально оставить в доступе вино, в которое бросили мышьяк. Выпьет, мол, покорчится с часок и навсегда бросит зариться на чужое.

– А это хорошая мысль, доктор. Бродяга и в самом деле больше досаждают дачникам не будет. Выпил вчера в последний раз.

– Значит все-таки умышленное отравление.

– Необязательно. Старушки, возможно, не желали смерти.

Хотели, чтобы тот лишь помучился.

– Но отравили.

– Доза мышьяка незначительна.

– Но потерпевший умер от отравления. Ведь так?

– Откуда было знать старушкам, что даже небольшая доза яда в купе с вином усиливает действие и может привести к смерти?

Полицейский мотнул головой.

– Ну, да... Впрочем, пусть голова болит у дятла...

Полицейский еще что-то хотел сказать, но дверь открылась и на пороге появилась бывшая жена Низковских, то есть Сергиевских Светлана Львовна, а из-за спины ее выглядывал мужчина, которого все узнали, – Малишевских Ефрем Евгеньевич, заместитель главы городского муниципального образования.

Увидев бывшего мужа, Светлана Львовна, не обращая внимания на присутствующих, зло спросила:

– Ты чё здесь забыл?

Обидевшись, Савелий Иванович отреагировал соответствующим образом. Он саркастически ухмыльнулся:

– Тебя не спросили.

– Ну, смейся, смейся... Радуйся материнскому горю.

Увидев городскую леди и представителя ее свиты, дознаватель, совершенно изменился – являл собой само подобострастие, стремление угодить.

– Здравствуйте, Светлана Львовна... – Леди на привет-

ствие даже ухом не повела. – Доброго вам утречка... – Леди вновь промолчала, а полицейский продолжал, несмотря на это, распинаться. – Извините, что от дела оторвали. – Леди всего лишь презрительно фыркнула. – Служба у нас, знаете ли, беспокойная... Пройдите, пожалуйста, – полицейский рукой сделал широкий жест.

– Чё я у вас забыла?

– Понимаю, – дознаватель быстро – быстро закивал, – неприятная процедура, но крайне, да, Светлана Львовна, крайне необходимая. Без нее...

Леди, раздвигая всех, прошла.

– Сообщили, – кривя в презрении губы, сказала леди, – какое-то опознание.

Полицейский, продолжая суетиться, кивнул.

– Сегодня утром в дачном домике садового товарищества обнаружен труп неизвестного... При нем нет никаких документов... Возможно, это ваш сын, который в розыске... Посмотрите, пожалуйста.

– Только и осталось, что на трупы смотреть.

– Извините, но надо, Светлана Львовна... Это может оказаться ваш сын.

– Не окажется, – бросила леди.

Савелий Иванович сказал:

– Сначала посмотри, а потом утверждай.

Бывшая жена смерила бывшего мужа с ног до головы и рывкнула:

– Заткнись!

Дознаватель угодливо поинтересовался у леди:

– Вы сказали: не окажется. Вы что-то знаете, да? Может, сын находится в заложниках и с вас требуют выкуп?

Леди не собиралась давать объяснения

– Мой сын жив, ясно?

– Понимаю... Да... Формальность... Не мы, а вы подали в розыск... Все-таки взгляните... Вдруг... – Полицейский откинул простыню.

Может, ему показалось, но бывшая жена даже не взглянула на труп.

Светлана Львовна посмотрела на полицейского.

– Ты такой тупой, да? Повторяю для тупых: здесь моего сына нет.

Полицейский смущенно сказал:

– Вы в этом уверены?

– Мой сын жив!.. Вы ни хрена не делаете и подсовываете мне трупы каких-то бродяг.

Представитель свиты, кивнул:

– Справедливая претензия Светланы Львовны. Плохо работаете, господа, очень плохо... Придется к себе пригласить для беседы полковника Морозова и строго указать на ваш, с позволения сказать, труд.

– Хорошо... Не смею настаивать. Так и запишем: предьявленный труп потерпевшего не является вашим сыном.

Леди кивнула в сторону бывшего мужа.

– А что этот недоумок признал в бродяге своего сына?

Полицейский спросил:

– Простите, под словом «недоумок» вы кого имели в виду?

Светлана Львовна не ответила, а вот Малишевский зато строго указал дознавателю, так сказать, поставил на подобающее ему место:

– Вы отлично поняли, кого из присутствующих имела в виду Светлана Львовна! Не стройте из себя дурака!

Полицейский впервые позволил себе улыбнуться, но улыбка, признаться, получилась кривая.

– Дураку проще жить.

– А, – представитель свиты, – обреченно махнул рукой, – что с ним разговаривать... Пойдемте отсюда.

Господа пошли в сторону двери. Полицейский уже в спины им сказал:

– Но вам следует подписать протокол опознания.

Малишевских, не обернувшись, бросил:

– Перебьешься...

– Не могу...

– Нарочным доставишь, нарочным... Я позабочусь! Гарантирую! А Светлана Львовна еще посмотрит, подписывать вашу бумагу или нет.

Они вышли. Савелий Иванович покачал головой.

– Придется, господа, за хамов принести мне извинения... Не понимаю, что у них за отношения, но не совестно, видать,

власти ходить в пристяжных у какой-то владелицы швейной мастерской. Глядите, они связь не скрывают, нагло демонстрируют. Не боятся.

Патологоанатом спросил:

– А чего им бояться? Кого бояться? Нас, что ли?.. Вот вы нас назвали «господами». Но какие, скажите на милость, мы господа? – Помолчав, сам же и ответил на свой вопрос. – Быдло мы, а они господа так господа. Люди голубых кровей. Люди, имеющие бабки. И считают, что всё и вся в их руках. Люди, думающие, что вместе с деньгами будут счастливы даже на том свете.

Полицейский испуганно (очевидно, уже готовился к проблемам по службе) молчал и, пожалуй, строил планы, как выкрутиться и выйти из передраги с наименьшими потерями. Кто-кто, а он, простой дознаватель, понимал, что у сильного, то есть у богатого, всегда бессильный, то есть не купающийся в бабках, виноват. Он не был бойцом и не собирается им быть.

Воспоминания

Савелий Иванович Низковских утешает себя, что вот придет частный детектив, с которым заключил договор, и разберется в непонятной истории исчезновения Димки, найдет его и все встанет вновь на свои места и он, отец, больше не будет спускать с сына глаз. Верит в чудо и надеется на лучшее. Ждать не долго: остается несколько дней. Детектив объяснил, почему он не может тотчас же выехать в Ирбит: в пятницу, то есть двенадцатого октября, бракосочетание его сына и он весь в хлопотах по этому торжественному случаю. Эта чужая радость больно кольнула Савелия Ивановича. Потому что его Димка старше на год, а не женат, не учится. И неуклонно сползает вниз. Через год, глядишь, частный детектив станет дедом, а он? Даже не представляет, когда ему Димка подарит внука или внучку. И дочь от второго брака пока что по этой части не обнадёживает. Какие ее годы, а все равно... Понятно: нет ничего противнее, как ждать и договариваться, но что тут поделаешь? Возникла мысль, что приглашение на опознание, которое состоялось в понедельник, – есть не что иное, как реакция полиции на пинок под зад со стороны городской прокуратуры.

Словом, набравшись терпения, ждет Савелий Иванович. К тому же, как объяснил Фомин, недельная пауза, вероятнее всего, даст возможность прокуратуре повлиять на ход розыс-

ка Дмитрия Низковских. Надежд, это верно, у Савелия Ивановича почти никаких, но ведь «почти» – вовсе не значит, что их не осталось.

А пока он весь в прошлом, возвращаясь в оное, он мучительно роется в памяти и пытается ответить на вопрос: за что так его ненавидит бывшая любимая им жена. Вот и в понедельник, в морге, облаяла его. Чем виноват и так ли уж виноват перед ней? Савелий Иванович не отрицает, что в распаде семьи есть и его вина. Он часто слышит по телевидению ставшую расхожей фразу: в разрыве брачных уз не бывает виноват кто-то один – виновны как муж, так и жена; в разной мере, но виновны. Значит? Несомненно, виновата и она, Светлана Львовна. Но... Он не злится и, тем более, не оскорбляет ее, держит себя в рамках приличий. Да, сдерживать эмоции тяжело, однако ему пока удается. Не позволил себе ни разу сорваться.

Горькие, но воспоминания раз за разом Савелия Ивановича посещают. Не оставляли раньше, а сегодня тем более. Евдокиюшка, наверное, догадывается, но ничем этого не показывает, с расспросами не пристаёт. Потому что понимает, в какой тяжелой ситуации оказался муж. А понимать, как выразился один умный человек, есть не что иное, как простить. Вот и молчит Евдокиюшка, хотя глаза ее постоянно на мокром месте. Значит? Вместе с мужем переживает. Переживает, но сутками под ухом не зудит.

...1987 год. Заканчивается весна. Скверы и парки Ирби-

та в полном великолепии; заканчивает буйное в тот год цветение черемуха, а на смену ей пышно распустила фиолетовые бутоны сирень, насыщая своим терпким запахом воздух уральского провинциального города. Кое-где появились белоснежные шапки цветущей рябины, возвещающие ее богатый урожай.

Позади последний экзамен по истории СССР, который Савва сдал на «отлично». А вот и выпускной. В его аттестате ни одной тройки. За успехи в учебе и примерное поведение даже получил почетную грамоту.

Прощание со школой прошло на «ура». После торжеств и скромного застолья в столовой (в советские времена старались не шиковать, тем более, не запасаться спиртным, а также надо иметь в виду, что в ту пору вовсю буйствовала антиалкогольная кампания, в ходе которой, кстати говоря, были вырублены многие виноградники) Савва и его одноклассники отправились в парки. Савва до сих пор не может понять, как это случилось? Что именно? А то, что именно тогда, в тот самый вечер Савва «положил глаз» на ничем особо неприметную и прежде не привлекающую его внимание одноклассницу Светку Сергиевских, перебивавшуюся с тройки на двойку, однако аттестат, в котором красовались одни троечки, все-таки получила.

Итак, как бы сегодня сказали подростки, случилась «химия». Подростков потянуло друг к другу. Савва и Светка расстались только под утро. Что послужило побудительным

мотивом? Никто не знает, а одноклассники, узнав о близких отношениях (не в нынешнем понимании этого слова) только пожимали плечами, особенно злились девчонки, многие из которых буквально «сохли» по, как они ласково называли, Саввушке. Еще бы? Хорошист в школе, рослый и спортивно скроенный волейболист на спортплощадке, наконец, воспитанный ухажер, никогда не распускающий (надеюсь, все понимают, о чем речь?) руки.

Савва знал, что осенью отправится в армию. Возраст такой. Оставшиеся полгода он мог использовать по-разному. Например, подать документы в Уральский университет имени Горького⁷ (подумывал о стезе историка) и тем самым получить отсрочку от призыва. В том, что сдаст вступительные экзамены и пройдет по конкурсу, даже не сомневался.

На состоявшемся семейном совете родители признали этот вариант наиболее подходящим. Как выразился его отец Иван Андреевич, армия никуда не денется и кстати напомнил, что в университете есть, как он прослышал, военная кафедра. Стало быть, что? Прямая дорога в университет. Из него выпустится не только специалистом-историком, а и получит воинское звание лейтенанта. Конечно, потом будут военные сборы месяцев на пять, но это уже, по словам отца, пустяковина. А мать? Твердо держала сторону Ивана Андреевича. Не перечила еще и потому, что очень уж ей хоте-

⁷ В настоящее время является составной частью Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина.

лось, чтобы любимец-сын получил университетское (именно университетское) образование, то самое, которое ей оказалось недостижимой мечтой.

Мог, конечно, Савва поступить (по примеру других призывников) эти месяцы пропинать воздух, прошляться по кабакам, то есть перед армией погулять от души.

Парень решил другое: понимая материальные трудности далеко не богатых родителей (Иван Андреевич работал слесарем в сборочном цехе знаменитого на весь Советский Союз мотоциклетного завода, обязанный славою мотоциклу марки «М-72» с коляской, за которым буквально люди гонялись и готовы были заплатить двойную цену, а Анастасия Егоровна, мать, после окончания медучилища всю жизнь за гроши проработала в заводской амбулатории медсестрой), пошел в отдел кадров того же мотоциклетного завода, написал заявление и стал работать подсобным рабочим – какие-никакие, а деньги.

А что же Светка Сергиевских? В институт или университет? Да кто же ее ждет с ее тройками в аттестате? Там, в отличие от школы, за уши вытягивать на вступительных экзаменах не будут. Перспектива была одна: профтехобразование. Ну и подала заявление в училище: стала учиться на швею-мотористку. Шаляй-валяй и тут училась.

После возникшей «химии» Савва и Светка продолжали встречаться. Светка понимала, что лучшего парня в мужья ей во век не сыскать, поэтому изо всех сил старалась привя-

зять к себе. Ей это удалось: через три месяца Савва был уже влюблен в Светку и говорил открыто о женитьбе. Что родители? Понимали, что сын по уши влопался и теперь отговаривать бесполезно. Значит? Остается примириться с выбором сына. Родители молчали, но опасались, что свадьбу придется играть перед уходом в армию, а за последующие два года мало ли что может случиться с оставленной молодой женой.

Савва тут успокоил родителей. Он так однажды и заявил:

– Решил так: свадьбу будем играть после армии.

Мать осторожно поинтересовалась:

– А как невестка к этому относится?

– Сначала разнюнилась, – ответил сын, – а потом я убедил ее, что так будет правильнее. Два года, сказал ей, – это будет период проверки наших чувств. Ты, сказал ей, остаешься свободной от каких-либо обязательств по отношению ко мне, а когда вернусь, если ты дождешься меня, то сразу встану на колени и попрошу руки и сердца.

Отец спросил:

– Легко согласилась?

Сын кивнул.

– Да, согласилась, но легко ли – я этого не знаю.

Отец вновь спросил:

– А ты, сынок, действительно без Светки жить не можешь?

– Не могу, пап! Я ее очень-очень люблю!

Иван Андреевич, бросив взгляд на жену, только и сказал: – Твое счастье – это и наше счастье... Будем молиться...

Савва ушел в армию: сказали, что будет десантником. А Светка забыла дорогу к Низковских. Родители недоумевали. До родителей доходили кое-какие слухи, но они ничего сыну про это не писали. Приедет, решили они, – сам разберется.

Савва оказался на несколько месяцев в учебке, а потом, в январе 1988 года, его часть погрузили на военно-транспортные самолеты и перебросили новоиспеченного сержанта в Афганистан, как тогда пафосно выражались, выполнять интернациональный долг.

В письмах к родителям Савва бодро сообщал, что служба идет нормально, что командование им довольно, что он даже успел получить медаль «За боевые заслуги». Иван Андреевич, как человек бывалый, сидел и пытался сообразить, где служит сын, мысленно, чтобы не тревожить жену, спрашивал себя: «Если есть боевые заслуги, то, значит, сын участвует в каких-то боевых действиях. В каких конкретно?» Ответ напрашивался сам собой. Чтобы утвердиться в этом, не сказав ничего Анастасии Егоровне, пошел в военкомат. Военком всего лишь намекнул, из чего понял Иван Андреевич, что его сын воюет с душманами в Афганистане, что каждый день подвергается риску быть убитым.

Бодрые же письма сына все шли и шли. Даже не намекнул, когда, получив пулевое ранение, оказался в госпитале.

Родители ничего не знали о том, что сын был ранен осколком мины, из-за чего был уволен из армии в связи с выводом на инвалидность третьей степени. Поняли родители всё, когда Савва появился (это случилось в апреле, то есть за месяц до начала вывода советского воинского контингента из Афганистана), прихрамывая и сверкая двумя медалями на груди, дома. Анастасия Егоровна поплакала, но потом смирилась с судьбой: все-таки сын, слава Богу, жив и чувствует себя неплохо, а могло быть гораздо хуже.

Вернувшись, первое, что сделал, – позвонил девушке и назначил встречу в кафе. Поначалу Савелий чувствовал некий холодок, причину которого не знал, однако впоследствии все образовалось. И Савелий, как и обещал, сделал предложение. Поколебавшись, девушка согласилась стать его женой. Потом – свадьба, а там и – рождение сына. Года два все было у молодых в порядке. Савелий хорошо, как ему казалось, устроился, став охранником в местном отделении Сбербанка. Учили, видимо, боевой опыт и, несмотря, на инвалидность, взяли и положили хороший заработок. Светлана к тому времени уже работала швей-мотористкой в одном из городских ателье по пошиву женского верхнего платья. Короче говоря, лучше бы надо, да некуда. По крайней мере, так всем со стороны казалось. Родители Савелия не могли не порадоваться счастью их сына, но потом... Что потом? Обычное дело...

Савелий вдруг понял, что его жена жадна до денег. Всё

чаще и чаще стала бурчать по этому поводу, хотя он зарабатывал хорошо и плюс военная пенсия по инвалидности. Жаловаться, казалось только не ей. Светлане хотелось большего. И она вздернулась: сказала, не посоветовавшись с мужем, что уволилась из ателье, что за тамошние гроши горбатиться всю жизнь не собирается.

Савелий, естественно, спросил:

– И что дальше?

– Есть немного валюты, – это был 1992 год, – поеду в Турцию. Там, рассказывают, шмотье всякое можно купить дешёво. Привезу, продам на рынке.

Савелий не скрывал недовольства.

– Не голодаем... К тому же у нас сын маленький. Ты мать и...

– А ты отец, – грубо ответила Светлана.

– Да, отец, но мать мне все равно не заменить... Как бы ни старался.

Попала, как говорится, бабе шлея под хвост. Стала обычной для той поры челночницей. Появились дурные деньги, сомнительные дружки и подружки, поползли по городу слухи: баба, дескать, в Турции подрабатывает телом. Конечно, на каждый роток не накинешь платок, однако... Пусть бы болтали, но однажды случилась крупная неприятность: случайно Савелий узнал, что его жена повадилась ездить в Турцию с одним молодым мужичком (промышлял тем же) из Екатеринбурга. Раз, другой. Даже хвасталась, что

теперь ей заниматься бизнесом совсем не страшно, потому что есть на чье плечо ей опереться.

Савелий насторожился, но выводов не сделал из пьяной (стала все чаще и чаще появляться под хмельком) болтовни жены.

Неприятность крылась вовсе не в том, что спуталась баба с кем-то, а в том, что случилось потом. Как-то раз при прилете в Екатеринбург таможенники не выдали привезенный багаж, заявив, что он, то есть багаж, не соответствует заполненной таможенной декларации, то есть груза куда больше, чем задекларировано и, следовательно, таможенный сбор и плюс штраф за попытку обмана органов вырисовывается в кругленькую сумму. Светлана и ее дружок, у которых что-то на этот раз пошло не так, встревожились тем, что отлаженный механизм дал сбой во взаимоотношениях при прохождении таможенного досмотра. Любовник решил уладить и за мзду одному из таможенных чиновников баулы хитроумным путем оказались у челноков. Все хорошо, что хорошо кончается? Да, но челноки не знали, что хитроумный план находится под наблюдением сыщиков. Те неожиданно нагрянули, задержали челноков. Им стала грозить статья – дача взятки должностному лицу. Небо на какой-то момент показалось в клеточку. Что делать? Взяткодатели сделали признательные показания, заявив, что их вынудили дать взятку, что они готовы рассказать об всем, как все происходило. Оперативникам, охотившимся совсем не за челноками, а за кор-

румпированными таможенниками аэропорта «Кольцово», то и надо было. У них появились реальные свидетели, готовые дать показания, свидетели, которым было обещано, что против них непосредственно не будет возбуждено уголовное дело. Состоялся в Екатеринбурге суд, на котором и вскрылись подробности не только того, как челноки обычно проходили таможенные досмотры, а и их давних интимных связей между собой.

Савва, понятно, на том судебном процессе не был, но там был дотошный журналист, который опубликовал в газете подробный очерк, в котором все предстало в истинном свете – как подсудимые, получившие реальные сроки, так и свидетели по делу, занимавшиеся амурами в Турции. Не верить газете у Саввы не было оснований. Поэтому устроил жене допрос с пристрастием.

Светлана, как ни удивительно, отрицать ничего не стала. Более того, перешла в наступление, заявив, что жить с инвалидом не так-то уж и приятно, что она готова с Саввой расстаться.

Савва заявил, что он сына заберет, ни за что не оставит Димку с такой матерью. На это Светлана, зло сверкнув глазами, показала кукиш.

– А вот это видишь?

Савве пришлось судиться. Но результат нулевой. Суд определил место проживания Димки – квартира Светланы, но определил, что отец имеет право видеться с сыном не ре-

же одного раза в неделю. Решение суда Светлана Львовна Сергиевский не собиралась исполнять и общение отца с сыном свела к минимуму. Более того, когда сын стал подрастать оклеветала отца, заявив, что тот, путаясь с распутными бабами, бросил его и не хочет видеть. Становится понятным почему, став уже взрослым, Димка по-прежнему избегал отца, считая его виновным, а мать его, распутника и тирана, жертвой.

Савелий Иванович мысленно спрашивает себя, стал бы сын лучше, если бы воспитывался отцом? Его мнение однозначное: Димка вырос бы другим, по крайней мере, не стал бы бродягой и наркоманом.

Вспоминая прошлое, раз за разом он корит себя, что, наверное, он не все сделал, чтобы спасти сына, не был достаточно настойчив. Потому что любое решение суда, не вступившее в законную силу, не есть истина в последней инстанции. Он мог и должен был оспорить, но этого не сделал. Результат? Таков, каков есть сегодня. Если бы можно было что-то изменить, то он... Нет, не вернуть вчерашний день. Стало быть, думает Савелий Иванович, стоя перед окном, за которым ярко светит октябрьское солнце, согнавшее за пару часов весь снежный покров, он обязан хотя бы сейчас сделать для сына все возможное и даже невозможное, если только как-то поможет спасти Димку. Спасти во что бы то ни стало, если ему на самом деле грозит какая-либо опасность. То, что опасность возможна, – для Савелия Ивановича очевид-

но. Он тут же ловит себя на мысли... А что, если не произошло ничего страшного с Димкой и он возьмет и заявится завтра или послезавтра и скажет: «Прости, отец, что доставил тебе столько неприятностей».

Глава 5. Стратегия и тактика частного детектива

Пассажиры

Динамики Северного автовокзала простуженно прохрипели:

– Автобус, следующий по маршруту Екатеринбург-Ирбит-Туринск-Тавда, отправляется от девятой посадочной платформы. Просьба пассажиров занять свои места.

Мужики, спешившие накуриться досыта (следующая возможность им представится лишь через три с половиной часа, когда автобус прибудет в Ирбит и где предусмотрена расписанием двадцатиминутная стоянка), суетливо стали тушить недокуренные сигареты, бросать в урну и запрыгивать в салон.

Фомин, в числе первых занявший ему положенное тринадцатое место, глядя на прыгающих мужичков, самодовольно хмыкнул.

– Брали бы пример с меня, – забурчал чуть слышно он, – смог же отказаться от вредной привычки и ничего со мной не случилось.

Действительно, не случилось. Не с первой попытки,

но всё-таки ведь бросил и за последующие годы не выкурил ни одной сигареты. Задышал легко, полной грудью. Правда (тут он вспомнил, что кое-что все-таки с ним случилось, и он ухмыльнулся), вскоре стал замечать за собой неладное: телом пошел вширь, жирком обзаводиться. Нет, Фомин и до того не считал себя хлипким, ибо от природы был могуч в кости, да и мышечной массы хватало, а тут... Признакам ожирения твердо заявил: нет! Удвоил занятия спортом. Особенно увлекся штангой. Как ни странно, весовая его категория не только не убавилась, а стала больше и преодолела сто килограммов. Поговорил с экспертами. Те успокоили, задав ему один-единственный вопрос: «Разве по себе не чувствуешь, что твое количество перешло в качество?»

Он всё понял. Потому что уже тогда был неглупым парнем и объяснять подолгу, как некоторым другим его сверстникам, надобности не было: ловил мысль на лету. В этом пошел в отца, который, как помнит детектив, хотел казаться простачком, напускал на себя придурковатость, свойственную деревенским хитрецам, глядел на людей, прищуривая правый глаз, а на самом деле был натурой сложной и глубокой: попробуй-ка сходу такого мужичка раскусить – зубы сломаешь. Стало быть, как нынче выражается молодежь, привычку косить под простачка Александр Сергеевич унаследовал от отца, чем частенько вводил и вводит до сих пор в заблуждение незнакомых людей: они без опасения раскрываются, а в его занятии то и надо.

Его место у окна. У его ряда кресел остановился высокий (лет ему, наверное, не больше тридцати) крепко сколоченный мужчина.

– М-м-м... Четырнадцатое... Мое законное, если не ошибаюсь. – Мужчина снял наплечную сумку и, не прикладывая особых усилий, то есть, не становясь на цыпочки, положил на верхнюю багажную полочку. Потом сел.

Тем временем недовольная чем-то женщина с красной повязкой взмахом руки дала понять, что пора трогаться. Дверь тихо задвинулась. Двигатель уркнул, прошипел и, виртуозно лавируя, несмотря на свою внешнюю неуклюжесть, между другими транспортными средствами, покинул территорию автовокзала, взяв курс на восток, то есть в сторону уралмашевского микрорайона.

Сосед, бросив короткий взгляд в сторону Фомина, сказал:

– Предлагаю познакомиться... Олег... Куда путь держите?

Фомин ответил:

– На данный момент конечный путь назначения – Ирбит.

– О! Вместе выходим. Тем более следует познакомиться.

Впереди – три скучных часа... Как минимум.

– Александр, – коротко бросил Фомин.

Сосед, очевидно, соскучился по простому человеческому общению.

– Я коренной ирбитчанин... Возвращаюсь домой, – Фомина не интересовали его подробности, но долг вежливости

принуждал хотя бы молча слушать и изредка кивать. – Работую в Екатеринбурге... В ЧОПе... Охранником... Неделю там, неделю дома. Такой график меня устраивает... В Ирбите работу найти трудно, тем более денежную... Вот и приходится... Жертвую... А что делать? Конечно, наилучший вариант – перебраться насовсем в Екатеринбург, купить жилье и... Но цены, Александр, сильно кусачие... Как минимум, нужна двухкомнатная, а это даже на вторичном рынке под четыре миллиона... Да, зарабатываю хорошо, но я же не один – нас трое: жена и быстро взрослеющий сынулька... Жена работает, но за гроши... Одиннадцать тысяч – это по нынешним ценам деньги разве?.. В круговую наши доходы близки к шестидесяти тысячам, по двадцатке на члена семьи. – Фомин по-прежнему молчал, а соседа это обстоятельство никак не волновало. – Разве много? – Судя по всему, тот не рассчитывал на ответ, поэтому продолжил. – Кое-что, понятное дело, откладываем, так сказать, про запас. Возможно, когда-то и скопим на квартиру, но, если честно, меня не тянет к расставанию с родными местами... Наш город тихий, провинциальный, а в Екатеринбурге уж больно суетно... Как в муравейнике... Люблю я Ирбит. Горжусь его стариной... – сказал и тотчас же спросил. – Слышали, что ему скоро четыреста лет исполнится? На целый век старше самого Екатеринбурга, представляете? – Фомин утвердительно кивнул. – На реке Ирбитка⁸, тогда полноводной, сначала в виде торго-

⁸ Неизвестно почему, но аборигены именуют эту реку именно так, хотя совре-

вой слободы появился, являясь частью Верхотурского воеводства... А вы знаете, с какой поры и почему получил Ирбит статус города? – Фомин отрицательно мотнул головой. – О, за большие заслуги перед Отечеством!

Фомин слышал, что в годы Великой Отечественной войны у солдат пользовались любовью выносливые мотоциклы Ирбитского производства, а также удивительной прочностью славилось стекло местного завода, которого, то есть такого сверхпрочного стекла, фронту требовалось много-много. Фомин где-то читал или, может, от кого-то слышал: в основе такой сверхпрочности не только умение заводских мастеровых, но и обнаруженные в окрестностях города удивительные природные богатства, используемые в производстве стекла и изделий из него.

Чтобы утвердиться в своих познаниях, спросил-таки:

– И что это за «заслуги»?

– О, Александр! Ими гордится каждый ирбитчанин.

– Интересно...

– Я вам скажу: когда шайки пугачевских разбойников подошли к окраинам Ирбита, то на защиту его встали все – от мала до велика, от самого зажиточного купца и до бедняка-крестьянина. Вот такое получилось единение народа. Представляете?

– Чем история закончилась?

– А тем, что, попробовав пару раз (долго улещивал вся-

кими посулами ирбитчан, засылал агитаторов, чтобы отыскать предателей) брать затяжной осадой город Емелька-самозванец отказался. Вот такими были мои предки. Представляете? А вспомните: перед тем же Емелькой-самозванцем пал такой, например, город, как крепость Пенза, разграбленная вчистую и сожженная разбойниками дотла, да и Казань, представляете, покорилась. А все почему? А все потому, что мы – народ особенный. Нас на мякине не проведешь, ни за какие деньги не купишь. На обманки не реагируем. Представляете?

Фомин, кивнув, заметил:

– Настоящие уральцы такими были, такими и будут. Герои, ничего не скажешь.

– Вот-вот!.. Когда государыне Екатерине Великой доложили о той верности и стойкости перед лицом грозной опасности, то именным указом повелела с той поры именовать Ирбитскую слободу городом. Представляете, каким богатым был наш Ирбит? До сих пор украшением являются узорчатые кирпичные дома. Не один век стоят и хоть бы хны. Нам бы сейчас так строить... Не строят. Потому что нынешние богачи – это временщики, думающие не о будущем, а о настоящем. Стремятся хапнуть побольше да спрятать хапнутое подальше. Кто, как говорится, не успел, тот опоздал.

Фомин сказал:

– Это верно, Олег. Скажу больше: эти предприимчивые

господа нынче в большой чести. Перед ними спины гнем, им, ожидая подачки, в рот заглядываем. Мельчаем помаленьку, Олег, мельчаем.

– Категорически не согласен, Александр! Кто-то, да, мельчает, подличает, но не все.

Фомин вздохнул.

– Возможно.

Олег неожиданно сменил тему.

– Вы, извините за любопытство, в гости к нам или по делам?

– Скорее, по делам.

– По каким, если не секрет?

– К сожалению, ответить не могу.

– Понял... Бывали в Ирбите?

– Доводилось и не раз. Правда, последнее посещение состоялось больше десяти лет назад. Наверное, город сильно изменился.

Олег рассмеялся.

– Что вы! Каким был, таким и остался. Изменений в нем почти не увидите... Разве что в худшую сторону. У города денег нет на поддержание в приличном состоянии памятников старины глубокой, между прочим, более сорока – это архитектурные памятники регионального значения. От губернатора чего дождешься? Шиш на постном масле! Но и то лишь в базарный день... Вас встретят? А то я...

Фомин кивнул.

– Обещали... Не стоит беспокоиться. Не пропаду. Выживу в любых условиях.

– Значит, как говорится, тёртый калач?

– Пожалуй.

– Вы не очень-то разговорчивы. Наверное, профессия ко многому обязывает.

– Профессия моя как профессия... Ничего особенного в ней нет.

– А я болтлив. Всю дорогу трещу, как сорока, и трещу вам в ухо. Молчком скучно ехать. Днём хотя бы можно потарашиться на окрестные поля и рощи, а в этот час... Темень октябрьская. Но день, как мне кажется, обещает быть солнечным, что для середины октября и для Урала редкость...

Без двадцати девять автобус подъехал к автостанции. Олег и Александр покинули салон первыми. Заметив возле белой иномарки Савелия Ивановича, Фомин поспешил попрощаться с попутчиком.

Стратегия

Савелий Иванович довез детектива до местной гостиницы и там оставил. Прежде, правда, помог оформиться и позаботился, чтобы гостю из столицы Среднего Урала подобрали наилучший номер, разумеется, одноместный. Условились: что если понадобится командировочному, то тот выйдет на связь. Напомнил: понедельник – отдыхает, а вторник и среда – дежурства, с восьми утра до восьми вечера. Савелий Иванович предлагал остановиться у него. Квартира трехкомнатная, места хватит. Может предоставить в его полное распоряжение гостиную. Дочь? Так она же с понедельника по пятницу – в Екатеринбурге. Приезжает на выходные. Чтобы пополнить запасы жареным-пареным, чтобы всю неделю не пользоваться студенческой столовой. Детектив был категоричен: нет и точка. Причины? От их объяснения вежливо уклонился. Савелий Иванович собрался было обидеться, но передумал: кажется, догадался, в чем дело. И был, надо сказать, недалек от истины. Не хотел, во-первых, стать неким обременением для семьи (в этом всегда проявлял крайнюю щепетильность, особенно в командировках). А главное все-таки другое: любил автономность, самостоятельность, свободу действий, когда никому нет дела, где он, чем занимается, когда приходит и уходит.

Оставшись один, Фомин внимательно исследовал времен-

ное обиталище. Если ему не изменяет память, одиннадцать лет назад, когда проживал в этой же гостинице и в аналогичном номере, ничего, по сути, не изменилось. Кровать большая – это хорошо, ибо любит просторно валяться, когда ни слева, ни справа никто не толкается. Откинув угол покрывала, удовлетворенно хмыкнул: свежее и чистое. Над кроватью – довольно аляповатый пейзаж неизвестного ему художника; картина, видимо, висит с незапамятных времен и краски на ней поблели. Письменный стол: на нем телефонный аппарат времен царя Гороха (полировка со столешницы местами начала облезать, шелушиться), а возле него столь же древние два полумягких стула, на которые, сразу поняв, садиться должен (при его-то килограммах) до чрезвычайности осторожно, иначе распадутся на составные части. Осмотр закончил туалетом. Не преминул крикнуть – то ли одобрительно, то ли осудительно.

– Жить можно, – заключил постоялец.

Надолго ли прибыл? Фомин не знает, но, предположительно, по предварительным его стратегическим планам, не меньше недели. Все будет зависеть не от него, а от внешних обстоятельств. Он-то рад был бы и за день управиться и умотать в Екатеринбург, но... Опыт и интуиция подсказывают, что розыск покатится совсем не по маслу: если бы все обстояло просто, то с этим и местная полиция справились бы в два счета. Тут же... Что-то тормозит. Может, кто-то ставит палки в колеса отважным сыщикам, мешает, не да-

ет организовать розыскные мероприятия должным образом? А что, если ребята из полиции не хотят проявлять инициативу и усердие исключительно потому, что ждут конкретную, недвусмысленную команду начальства, а ее, увы, нет?

Фомин, вспомнив, усмехнулся. Что вызвало улыбку, скорее всего, грустную? А вот... Через полгода после того, как он ушел в отставку, заглянул к ребятам из уголовного Орджоникидзевского районного управления внутренних дел. Ребята чем-то были явно возмущены. Зная, что перед ними свой мужик-работяга, майор Воробьев раскрылся.

– Вот, – он ткнул пальцем в раскрытую перед ним прогубернаторскую газету, – пишут, что один из наших братков, то есть уралмашевских, объявлен в международный розыск, что Интерпол не может напасть на его след.

Фомин провокативно заметил:

– Ушлые наши... Умеют заметать следы... Непросто их найти.

Воробьев взвился и даже вскочил на ноги.

– Издеваешься? Подначиваешь?

– Нет. Это возможно.

Опытный сыщик воскликнул:

– Не тот случай!

– Особенный?

– Какой «международный розыск», ну, какой, а?!

– Обыкновенный, – спокойно ответил Фомин.

Воробьев, присев на стул, объяснил:

– Два дня назад, когда ехал на службу, повстречал его «Мерседес», а за рулем – сам, разыскиваемый Интерполом. Мне, наглец, даже рукой помахал.

Фомин на это сказал:

– Трудно в это поверить, так как невозможно...

Воробьев решительно прервал.

– Не строй из себя, Александр Сергеевич, простачка, не надо! Невозможное в России вполне возможно.

– Цирк какой-то.

Воробьев фыркнул.

– Вот именно: клоунада. Да если бы на самом деле хотели отправить братка в СИЗО и дали бы мне прямое указание (лучше в письменном виде), то, гарантированно, через два часа надел бы на него «браслетики» и отправил за решетку, – он развел руками. – Но указания – никакого – нет.

– Фомин посоветовал:

– А ты прояви инициативу.

– Смеешься?

– Нет, серьезно говорю.

– Мне эти приключения на задницу нужны? Разыскиваемый чуть ли не каждый день за руку здоровается с нашим генералом, на деловых встречах у губернатора бывает. Его, что ли, ищут по миру?.. Вот и раскатывает по Екатеринбург и мне, оперативнику, ручкой машет. Издевается, сволочь!..

...Фомин, со всеми предосторожностями выдвинул стул, присел, разложил на столе письменные принадлежности

и захваченные с собой бумаги. Он занялся уточнением на местности стратегического плана неотложных действий, не забывая при этом и про намеченные ближайшие тактические мероприятия.

Итак, задача определена: детектив (во что бы то ни стало) должен ответить на основной вопрос, а был ли мальчик? То есть, действительно ли исчез Дмитрий Низковских? А что, если искусно срежиссирована постановка? Допустим, думал детектив, но кому этот спектакль нужен, точнее говоря, выгоден? Отцу? Но для чего? Должна быть причина, но ее на поверхности не просматривается. Да ему не видна причина, но разве это говорит о том, что ее вовсе нет? Следовательно, ему придется, как бы ему этого не хотелось, взять в разработку Савелия Ивановича Низковских.

Кто следующий? Мать! Однако уж она-то и вовсе не заинтересована, пуская пыль в глаза, где-то прятать любимого сына. Нет у нее смысла – это точно. Конечно, при встречах с бывшим мужем, как он рассказал, исходит желчью, хамит и отказывается от совместных действий, но сие поведение, скорее, ей в плюс, чем в минус. Мать она, а мать острее чувствует беду. Более того, именно она, а не кто-то другой, первой забила тревогу, написала заявление в полицию. Что это? Еще один плюс в ее пользу. Все так, но с ней детективу все-таки придется пойти на контакт, попробовать раскрутить и принудить к откровенному разговору. Этот разговор может быть полезен. Возможно, выяснятся новые де-

тали. Фомин при этом имеет в виду, что Савелий Иванович не имеет никаких существенных деталей, поскольку ими бывшая жена не думала делиться. Рассчитывает на пользу, но также не сбрасывает со счетов, что, закусив удила, начнет брыкаться и откажет ему в информации. Кто он? Частный детектив, а перед ним она не обязана отчитываться. Более того, она вольно ведет себя даже в полиции, ведет себя как первая дама местного общества.

Кто же следующий? Дружки-приятели. Что о них известно? Ничего! Ни одной фамилии, ни одного адреса. А ведь они могут что-то знать. Или догадываться, по крайней мере, что для него тоже важно.

Придется побывать хотя бы на последнем месте работы Дмитрия. Интересно, как охарактеризуют? Вряд ли с хорошей стороны. С ценными работниками так скоро не расстаются, за них обеими зубами держатся. Тем не менее... Ему важна о разыскиваемом любая информация. Пока же ему не за что зацепиться.

Наконец, соседи по месту постоянного жительства. Фомин по опыту знает, что от их зоркого глаза ничто не ускользает. Ирбит – не Екатеринбург. В Екатеринбурге друг друга не знают даже соседи по лестничной площадке, а в провинциальном городе всё и всем известно о каждом с пеленок и до смерти.

Противно задребезжал телефон и даже слегка заподпрыгивал на столешнице. Фомин поднял трубку. Может позво-

нить только Савелий Иванович. Впрочем, возможен звонок и ошибочным.

– Да... Слушаю... Нормально расположился... Не прихотлив в быту... Привычка, Савелий Иванович... Плоха?.. Уж какая есть, других не имею... Хорошо, что позвонил... Сам собирался... Ты опередил... По вопросу?.. Не по телефону... Да... Впредь придется соблюдать осторожность... Нет, не мешает... Обо мне?.. Не советую... Не стоит... Меньше знают, крепче спят... Кто?... А все, кто бы ни был... Особенность провинциалов – избыточное любопытство... Короче говоря, предлагаю встретиться... В тринадцать пообедая в гостиничном кафе и потом... Нет-нет, спасибо... Не стоит... Нет... Пожалуйста... Где предпочтительнее?.. Дома... На этот раз... Из кафе – сразу... Общественным транспортом, а чем же еще?.. Да?.. Не откажусь от такой услуги... Вот и хорошо, Савелий Иванович... В половине второго – как штык... Да... До встречи!

Фомин, положив трубку, задумался. Клиент услужлив, а это хорошо в его положении или плохо? Решил, что пятьдесят на пятьдесят. Взглянув на циферблат наручных часов, убедился, что до обеда еще без малого три часа. Он углубился в свои бумаги.

Подал голос его сотовый. Подумал: «Сударыне зачем-то уже понадобился. Неужто успела соскучиться?»

– Слушаю... Привет... Так... Я понял... Хорошо сделала, что посоветовала мне позвонить... Конечно... Говорит, что

очень важно?.. Тем более... Да... Конечно, дорогая Галина Анатольевна... Не ёрничаю... Всегда дорогая... Да... А то, что не веришь, – не мои, а твои проблемы... Как с квартальным отчетом?.. После двух пойдешь?.. Проблем, думаешь, не будет?.. Как всегда, говоришь?.. Да, что бы я без тебя делал... Не переоцениваю... Ни на грамм... Тебя переоценить невозможно... Мне повезло, что имею такую помощницу... Да... Вот так... Что, звонил Чайковский?.. Ну и что говорит?.. Кроха чувствует себя неважно?.. Может, зубки режутся?.. рано?... Так... Рано – не поздно, дорогая... Передай, чтобы дочурку берегли... Знаю, что дышать боятся... Поздние дети – это всегда проблема... Да... Философствую... А нельзя?.. Что плохого, если хочется блеснуть умом, и если его так накоплено много?.. То-то же!

Фомин отключился. И тут же сотовый опять зазвонил. И сейчас он знал, кто это. Жена только что предупредила.

– Привет, Жень... Так... Очень хорошо... Распрекрасно... Нет нужды особой... Передавай прямо в руки Георгия Иннокентьевича... Я вам верю... Знаю, что нет времени... Да, я не знаю, когда вернусь... По крайней мере, не раньше субботы – это абсолютно точно... Возможно, и позднее... Да... О тебе?.. Нет, не забыл... Невозможно... Будет тебе работа... Как всегда, интересная, в которой без твоих способностей, Жень, – никуда... Будь здоров!

Связь оборвалась в нужное время. Оборвалась удачно. Он с утра забыл подзарядить телефон и вот... Хорошо, что

не забыл захватить зарядное устройство. Он воткнул вилку в разболтанную розетку. Да, ненадежна, а другой для его номера не припасли.

Фомин, просматривая записи, замычал:

– Была бы страна родная, и нету других забот...

Примерно через полчаса вновь зазвонил сотовый.

– Приветствую, Георгий Иннокентьевич... Да, звонил мне Григоров... Так и сказал... Всё верно... Какие впечатления?.. Понял, что бомба... Я на это, обращаясь к вам, и рассчитывал... Да... Сожалею, что приеду, а первая волна эмоций уже спадет... Да... Приятнее, когда в эпицентре... Думаете, на меня насядут?.. Плевал с высокой колокольни... А я чем хуже?.. Тоже не робкого десятка... Где сядут, там и слезут... Верно!.. Если честно, люблю сбивать спесь с богачей... Меня хлебом не корми... Следственные органы?.. Пусть занимаются... Пусть носом роют землю... Это их хлеб... Им дана такая информация, что пальчики оближешь... Разве не понимаю, что сам Илюша может и непричастен непосредственно, но то, что покушение на Останина и визит ко мне как-то взаимоувязаны – уверен почти на сто процентов... Будем надеяться, что этот газетный номер разойдется как горячие пирожки, только-только вынутые из русской печи... Понимаю, что мои слова – это бальзам на душу главному редактору... Особенно, когда интерес к прессе читатель теряет, если не потерял окончательно... Нет доверия к печатному слову... Наверное... Могут поду-

мать, что газета и на этот раз выполняет чей-то и кем-то щедро оплаченный заказ... Их проблемы, если не верят, что есть непродажные люди... Всего!.. До встречи!

Недоверие

Детектив впервые в квартире Савелия Ивановича Низковских. Оказавшись в большой комнате стандартной квартиры, которой без малого шестьдесят, усевшись поудобнее на угловой диван, осмотрелся. Намётанным глазом определил, что здесь любят поддерживать чистоту и порядок; скорее всего, заслуга в этом хозяйки, поскольку во всем видна женская рука, даже в том, как аккуратно положены на тумбочку самодельные кружевные салфетки – ни сгиба на них, ни помарки. Никакой роскоши. Впрочем, откуда ей взяться в средне-статистической провинциальной российской семье, зарабатывающей свой рубль довольно тяжело?

Они вдвоем, так как жена на работе, а дочь в Екатеринбурге.

Приглушенно молотит большой плазменный телевизор. На экране некое шоу. Два телеведущих с небритостью недельной давности на лицах (видимо, мода у них нынче такая) и привычной косноязычностью, когда после каждого слова паузы, заполненные междометиями; на полукруглых диванах по-барски, отвалившись на спинки, сидят эксперты, а также в студии многочисленная и чрезвычайно активная платная массовка. О чем, как выражается молодежь, базарят? Фомин, не вслушиваясь, может ответить: в России уже давно не принято говорить о внутренних проблемах,

а вот о международных, особенно о США, где конгрессмены устроили травлю президента Трампа, или об Украине, президент Порошенко которой спит и видит, как бы насолить восточному соседу, подгадить добросердечным кремлевским сидельцам. И подобные «дебаты» -копии по всем федеральным каналам идут с утра и до позднего вечера.

Фомин поморщился.

– Выключите, пожалуйста.

Савелий Иванович усмехнулся.

– Не нравится трепотня?

– Увы, – ответил Фомин и развел свои огромные ручищи.

Хозяин, дотянувшись до пульта, нажал одну из кнопок и аппарат с погасшим экраном умолк.

– Так-то будет лучше... Во всех отношениях: и на мозги никто не будет капать, и сосредоточеннее потечет между нами беседа.

– А о чем? – В глазах Низковских засветился неподдельный интерес. – Что-то новое узнали и хотите поделиться?

– Не успел... к сожалению... Поэтому... Да, прежде нам предстоит обустроиться...

– Не понял, Александр Сергеевич? – Фомин вновь обвел взглядом комнату. – Что-то вам надо, да?

Фомин кивнул.

– Не вижу компьютера.

– Нам с женой он без надобности... У дочери был стационарный, но забарахлил. Предлагал оттащить в мастер-

скую. Дочь, назвав рухлядью, а компьютеру, в самом деле, не меньше десяти лет, мое предложение не приняла, заявив, что не стоит выбрасывать деньги на ветер.

Фомин покачал головой.

– Жаль, очень жаль... Мог бы послужить нам, точнее, мне.

– Пойдите, – хозяин встал с дивана, – в дочериной комнате должен быть ноутбук, если только она не забрала с собой... Вряд ли... Проверю... – Он вышел и через минуту вынес устройство, поставил на столик со стеклянной столешницей. – Вот... Подойдет?

– Вполне возможно. – Фомин придвинул столик поближе к дивану, поднял крышку, подключил к электросети, нажал левую кнопку. Ноутбук, тихо зашумев, стал загружаться. – Похоже, в рабочем состоянии... Все отлично... Проверю способности к видеозаписи... Я – тот еще чайник, но попробую настроить... Так... так... так... Отлично... неплохая картинка... Будет еще лучше, если включите верхнюю люстру... – Хозяин встал и щелкнул выключателем. – Совсем другое дело... Как в кино. – Савелий Иванович, недоумевая, следил за манипуляциями детектива и никак, судя по всему, не мог понять, зачем ему всё это. – Повезло... Мог, конечно, и без этого... Но когда есть возможность прибегнуть к помощи современных цифровых технологий, то грех не воспользоваться. Хотел взять видеокамеру и штатив, но возни с ними много. А тут – удобно.

– Кажется, понимаю...

– Что именно?

– Ну... Это... Заснять на видео нашу беседу. Ведь так?

– Совершенно верно.

– Но зачем?

– Чтобы иметь доказательство, что...

Низковских недовольно спросил:

– Какое доказательство? Разве я виляю хвостом?

– Нет, но... Всё может быть...

– Мне не доверяете? – Обидчиво спросил хозяин.

К удивлению Савелия Ивановича, детектив согласно качнул головой.

– Возможны с моей стороны неприятные вопросы, на которые есть надежда получить честные ответы.

– Значит, все-таки не доверяете... – Определенно и с обидой в голосе заметил хозяин.

– В какой-то мере... Привык никому не доверять, даже в определенных обстоятельствах самому себе. – Детектив грустно усмехнулся и ущипнул себя за мочку левого уха. – Иначе не могу... Безоглядное доверие может обойтись мне боком... Вам не стоит обижаться. Профессия у меня вот такая мерзопакостная... Впрочем, видеозапись мне нужна не только в качестве возможной доказательной базы, а и для того, чтобы потом с материалом было удобнее работать. Упустил в первый раз что-то, посмотрел второй и третий раз. Картина восстановлена. Восстановлена в том виде, в каком записана... Однако... Если вы возражаете, то я...

Низковских прервал.

– С чего возражать? Мне скрывать нечего... Моя совесть чиста... Записывайте, если это вам на пользу... Мне просто неприятно – вот и всё.

– Еще как на пользу! Лучше любого протокола, который я не имею права вести, так как не являюсь официально уполномоченным властью лицом. К тому же намного надежнее самой совершенной записной книжки.

– Не стоит убеждать, Александр Сергеевич: раз надо, значит, так тому и быть.

Фомин, настроив картинку (чтобы в кадре одновременно были видны оба), включил видеозапись.

– В порядке напоминания, Савелий Иванович: в ходе вашего предыдущего рассказа, в моем офисе я, практически не прерывал вас своими вопросами...

– Но я рассказал всё-все.

Фомин согласно кивнул.

– Но после того, как я внимательно и дважды просмотрел тогдашнюю видеозапись, у меня возникли вопросы к вам.

– Слушаю и готов ответить.

– Кстати, забудьте о ноутбуке. Ведите себя так, как будто мы просто сидим и болтаем.

– Хорошо... Понял.

– Вопрос первый: когда конкретно исчез ваш сын?

– Ну... День и число не знаю до сих пор... Приблизительно в конце августа, где-то двадцать восьмого или двадцать

девятого.

– Эту дату вам назвала ваша бывшая жена, то есть Светлана Львовна?

Низковских отрицательно замотал головой.

– Она особо со мной не церемонится и информацией не делится. Не та женщина, чтобы...

– Тогда почему вы называете эти числа?

– Встречался с друзьями сына... Ну и один из них сказал, что последний раз видел Димку именно тогда, в какой-то из тех дней. Точно он не помнит.

– Вы не знаете, опрашивала дружков полиция или нет?

– Об этом – ни слова.

– Понятно... Второй вопрос: где вы лично были в названные вами дни исчезновения сына?

Низковских с нескрываемым изумлением смотрел в глаза детективу.

– Но, Александр Сергеевич, вопрос странен. Особенно, если учитывать, кто спрашивает.

– Спрашивает исполнитель, а заказчик должен ответить.

– Простите, вы прекрасно знаете.

Фомин возразил:

– Мои знания не в счет... Хочу услышать сейчас и от вас, Савелий Иванович... Это очень важно...

– Вы своими глазами видели...

Фомин жестко спросил:

– Повторяю еще раз: где вы были в названные дни?

– Там... В санатории Министерства обороны... В Севастополе... Неподалеку от бухты «Омега», где с вами и познакомился.

– По путевке были?

– Да.

– С какого и по какое включительно число?

– С десятого августа и по третье сентября.

– Двадцать восьмого или двадцать девятого августа вы никуда не отлучались?

– Только на пляж... Да, вспомнил: именно двадцать девятого была экскурсия на знаменитую тридцать пятую батарею.

– Кто может подтвердить?

– Что «подтвердить»?

– То, что вы были на экскурсии.

– Многие, Александр Сергеевич.

– Например?

– Пашка Обьедков... Из Курской области... Участник антитеррористической операции на Северном Кавказе... Говорят, что та операция успешно и давно завершена, но Пашка рассказывал, что выезжать в горы опасно, даже в городе передвигались на БэТээРах. Не безопаснее и на блокпостах. В одно из нападений Пашку хорошо бандиты шмякнули. Теперь инвалид второй группы, а ему всего двадцать пять лет. До сих пор колошматят кавказцы наших вояк.

– А насчет двадцать восьмого?

– Он же. В одной с ним палате обитал. Сутками ему мо-

золил глаза.

– А еще?

– Ну, не знаю... Разве что процедурные сёстры, строго исполнявшие назначения врача. С этим в санатории строго.

– Я понял.

– Ваши вопросы удивляют.

– Почему? – Спросил детектив и уточнил. – Для меня, например, вопросы до безобразия банальны. В тысяча первый раз задаю.

– Как догадываюсь, пытаетесь прощупать меня по части алиби.

– Возможно.

– Но это же абсурд, Александр Сергеевич!

– В чем видите «абсурд»?

– Для чего мне что-то делать в отношении сына?

– Не знаю, Савелий Иванович.

– Вот! Я тоже не знаю. И еще: если бы была моя причастность, то какого хрена, извините, обратился к вам за помощью, при этом неся материальные потери? Дурью маюсь, хотите сказать?

– Цели ваши пока мне не ясны, поэтому ничего сказать не могу. Единственное, что мне подсказывает практика детективной деятельности, – у заказчика не всегда бывают благими намерения.

– Хотите сказать, что устраиваю эту катавасию с исчезновением сына для отвода глаз?

– Почему бы и нет, Савелий Иванович?

– Извините, но от вас эти глупости слышать как-то не совсем...

Детектив решительно возразил:

– Глупостью и не пахнет. Я скажу откровенно: вы могли где-то спрятать сына...

Низковских не переставал изумляться.

– Допустим... Что дальше? И, главное, зачем?

– Попробую объяснить, хотя мне не пристало этим заниматься. Поскольку сын, как вы сами говорили, не только страдает от алкоголизма, но и балуется наркотиками, постольку вы решили принудительно вырвать из ему привычной среды, изолировать от влияния дружков, а также от семейной нездоровой, как вы можете считать, атмосферы, от царящей семейной вседозволенности. Дмитрий – человек абсолютно безвольный – подчинился вам и...

– И что дальше? Где я могу парнишку прятать?

– Не знаю. Но не исключаю, что Дмитрий Низковских помещен вами в один из закрытых реабилитационных центров...

– Мною?!

– Совершенно верно.

– Ерунда!

– Нет, не ерунда, Савелий Иванович.

– В Ирбите ничего такого нет, в окрестных городах – тоже.

– Да, в Ирбите нет, но вот в Екатеринбурге есть. Допу-

стим, скандально известный центр «Екатеринбуржцы – без наркотиков», где пациентов избивают, более того, приковывают к кроватям, чтобы те не шебутили.

– Уверяю вас: я ни с какими центрами не связан; лично я сына никуда не закрывал.

– Если не вы, то кто? Ваша бывшая жена, то есть Сергивских Светлана Львовна?

– Нет, не думаю... Если бы она хотела, то давно бы сделала это.

– Но всякому терпению, даже материнскому, может прийти конец.

– Не верю. Знаете, почему?

– Нет, не знаю, но хотел бы узнать.

– Потому что эта дама слишком занята собой и, по большому счету, судьба Димки ей по барабану... Да-да, я не оговорился. Димке требовались не бабки, которыми мать откупалась, а внимание. Это внимания как раз и не было.

– Однако вы, насколько помню, рассказывали, что хотели Димку забрать к себе, даже в суд обращались, чтобы изменить его проживание...

– Совершенно верно.

– Но именно мать, которой сын, как вы только что выразились, по барабану, воспрепятствовала, для чего, как я понял, воспользовалась связями в определенных кругах ирбитского общества. Как это увязать?

– Всё просто. Как та пресловутая собака, лежащая на се-

не: сама, дескать, не ам, но и другим не дам. Эгоизм, доведенный до маразма.

– Пожалуй, с вами соглашусь...

– Конечно!

– В той части соглашусь, что Светлана Львовна никуда не помещала Дмитрия. Она бы вела себя иначе, в том числе и по отношению к вам. А вот вас в этом, точно, подозревает. Отсюда ее такая в отношении вас дикая злоба. Я так думаю.

– Ее подозрения ни на чем не основаны. Бесится, потому что дура конченная. Не берите в голову.

– Нет, я должен брать и это в голову.

– Зачем вам такая морока?

– Вы, как вижу, против.

– Уверю: пустая трата времени.

Фомин категорически возразил:

– Не думаю... Признаюсь: попробовал уже получить информацию из названного мною реабилитационного центра. Пока не получилось. Но обязательно получится... И, знаете, будет очень неприлично, если мне станет известно, что именно вы, а не кто-то другой, упрятал туда сына и вы так долго и так настойчиво водили меня, опытного сыщика, за нос. Должен разочаровать: докопаюсь до истины.

Низковских кивнул.

– Я тоже этого хочу, очень хочу.

– Чего именно вы хотите?

– Я знаю, что никаким боком не причастен к исчезнове-

нию сына, меньше всего в этом заинтересован, но больше всего хочу, чтобы вы установили истину. Мне она нужна куда больше, чем вам. Поэтому и обратился к вам, а не в полицию.

– Кстати. Что прокуратура? Какая-то реакция после вашего обращения последовала?

– Мне ничего неизвестно.

– М-да... Народ в прокуратурах пунктуален... Сказано, что ответ будет через месяц, вот и пусть ждут и не дергаются.

– Правда, полиция...

Фомин насторожился.

– Что «полиция»?

– Может, как-то и связано с моей жалобой в прокуратуру...

Фомин вдруг стал проявлять нетерпение, поэтому торопливо прервал:

– Что «связано»?

– Несколько дней назад меня вызвали на опознание обнаруженного трупа какого-то мужика с признаками, как они любят выражаться, насильственной смерти. Переволновался. Всё зря. Не Димка это. И по возрасту, и по внешним признакам – ничего близкого.

– Внимательно смотрели?

– Еще как! Но нет, на двести процентов не Димка.

– А как бывшая жена? Приходила на опознание?

– Была... Нахамила всем... Досталось капитану полиции,

дознавателю, проводившему процедуру опознания. Угрожала пожаловаться полковнику Морозову, что потревожили попусту ее особу.

– А полковник Морозов – это кто? Не из областного ли главка?

– Нет, наш начальник городского УВД.

– Не знаком... Жаль... Но обязательно найду повод и познакомлюсь. Интересно, что за гусь?

– Рядовой состав, как я слышал, не очень жалуется своего начальника.

– Новичок?

– Да, нет. Несколько лет назад в Ирбите появился, после окончания, как говорят, Свердловской юридической академии и сразу со студенческой скамьи был назначен начальником нашего уголовного розыска. Застрял у нас. Знакомый (мой однополчанин), прослуживший до выхода на пенсию много лет в полиции, считает, что благодаря «мохнатой лапе» метил вскоре смыться в Екатеринбург, но та самая «мохнатая лапа» вскоре погорела на чем-то, и Морозов лишился поддержки.

– Но все равно карьеру сделал.

Низковских кивнул.

– Сделал, но не ту, на которую рассчитывал.

Фомин остановил видеозапись. Достал из кармана флешку, вставил и скачал видеофайл. Убедившись, что на флешке запись сохранена, безвозвратно удалил основной файл с но-

утбука. И только после этого технику выключил.

Привык детектив не оставлять за собой следов.

Глава 6. Детектив окунается в провинциальную жизнь

Визит

Фомин по-молодецки, то есть бодро, спрыгнул с скрипучей и расшатанной кровати. Взглянув на часы, ахнул: уже половина девятого. Невероятно, ибо обычно в шесть уже на ногах, но факт. От усталости? Нет. Особенных трудов вчера не совершил. Сладко спалось, возможно, из-за того, что был понедельник и в гостинице царила непривычная тишина? Странно и другое: никаких снов, поэтому спал безмятежно, как сурок в зимнюю пору. В эти годы редкая ночь проходит без сновидений, но, может, сны были, но к утру выветрились из памяти? Попытался порыться в голове – пусто. Прodelав несколько легких гимнастических упражнений и даже попрыгав чуть-чуть, принял прохладный душ, а потом приступил, как он выразился, к завтраку аристократа, а он, то есть тот самый завтрак, состоял из того, чем вчера вечером запасся в ближайшем продуктовом магазинчике: кусок внушительных размеров натуральной ветчины (он большой и ему много надо), якобы, местного производства (поверил заверениям симпатичной молодой продавщицы и даже подарил

ей улыбку), пластиковый стакан сметаны и пол-литровую бутылку кефира, из описания на них узнал, что также производитель местный (со слов жены ему было известно, что продукция Ирбитского молочного завода в Екатеринбурге идет просто нарасхват) и, наконец, румяная большая плюшка.

Позавтракав, подошел к окну. На улице – туман, сквозь который с трудом пробиваются солнечные лучи. Похоже, подумал он, и этот октябрьский день будет погожим. Стелющийся по земле туман? Так к десяти часам и в помине не будет. Покидая гостиничный номер, надел-таки утепленную куртку. Уральская погода капризна и измениться (уж он-то знает) может в любую минуту.

Куда держит путь Фомин? Прямо по курсу, намеченному им еще вчера. Он – свободен от формальных обязательств перед кем-либо (великое его, как частного детектива, преимущество), однако идет-таки в городское УВД, чтобы представиться тамошнему начальству, любому, которое окажется на месте. Вреда, как он считает, никакого, а польза, при случае, возможна. Он – не гордый. К тому же тешит (сидит в нем глубоко внутри) себя надеждой, что-нибудь разнюхать по части дела, которым занимается. Да и... Если вдруг попадет в историю, то для оперативников УВД не будет новостью его нахождение в Ирбите. Так сказать, какая-никакая, но страховка.

Он медленно идет по улице... Да, кстати, что за улица? Осмотревшись, не нашел ни одного указателя. И некого

спросить – ни одного прохожего. Ага, вот: пожилая женщина толкает впереди себя коляску. Он останавливает.

– Извините, можно спросить?

– А о чем? – вопросом на вопрос откликнулась женщина, поправляя на голове теплый платок.

– Что за улица, по которой я иду?

– Командировочный?

– Верно.

Женщина, слегка покачивая коляску, сказала:

– Улица Ленина.

– А не знаете, как называлась до революции семнадцатого года?

– Знаю. Это была улица Торговая.

– Так и подумал, но не был уверен.

– Легко догадаться, – женщина усмехнулась, – слева и справа еще те дома, дореволюционные, купеческие. Посмотрите, какая архитектура, – не дома, а игрушки. Умели тогда строить... Не коробки однотипные, как сейчас... Стоят по двести-триста лет. И еще простоят, если заботиться о них. Что сегодня строят? Кирпич, еще не положенный в стену, крошится... Тяп-ляп, короче... А вам что надо? Что ищете?

– Городское управление полиции.

– А-а-а... Это на Володарского, а раньше – улица Веселая... Наверное, по причине того, что питейных заведений было много... Веселую переименовали в Володарского, хо-

тя, я читала, что он, как и все революционеры, вовсе был невеселым человеком, а лютым по отношению к своим классовым врагам, невинной кровушки попил изрядно.

Понимая, что женщина попалась словоохотливая и может долго рассказывать командировочному про свой город, Фомин позволил себе прервать.

– Не подскажите, как короче пройти?

Женщина рассказала и рукой показала. Настолько точно, что он легко нашел. Впрочем, Фомин был в управлении. Давно, больше десяти лет назад. Тогда его на машине возили. Все равно плохо ориентируется: когда тебя возят, и когда ты пешком таскаешься – это не одно и то же.

Типичное современное кубическое трехэтажное здание с высоким крыльцом. Фомин вошел. Внутри, как и везде в подобных учреждениях, ничего нового. Подошел к оконцу дежурной части. И спросил молодого парня, быстро что-то строчившего на листе бумаги:

– Доброе утро. – Не дождавшись реакции на приветствие, командировочный продолжил. – Могу пройти к начальнику управления?

Парнишка с двумя маленькими звездочками на погонах, не поднимая головы, сказал:

– Принимает по четвергам, а сегодня вторник.

– Я не по личному вопросу...

– А по какому?

– По служебному, лейтенант, сугубо по служебному.

– Идите... Примет, если повезет.

– Морозов на месте?

– Идите, говорю, – раздраженно ответил парень, так и не оторвавшись даже на секунду от бумаги, которая лежала перед ним.

Фомин подумал: «Не люди, а манекены... Такого легко можно заменить роботом и будет даже лучше».

Поднялся на второй этаж, Нашел дверь, отличающуюся от других тем, что сверкает лаком. Вошел. Одна из женщин в приемной подняла голову и тут же спросила:

– Вы к кому?

– Мне интересен Морозов, ваш начальник.

Женщина усмехнулась.

– Вам, да, может быть интересен, а вы ему – вряд ли.

Притворившись невинным барашком, поинтересовался:

– Почему? Мне сказали, что полковник Морозов у себя...

– У себя, но сегодня неприёмный день. Приходите в четверг.

– Не могу, извините...

– Это ваши проблемы.

– Все-таки доложите, что хочет получить аудиенцию директор Екатеринбургского частного детективного агентства Фомин... Пожалуйста!

Женщина, нехотя, встала и скрылась за дверью своего начальника. Через минуту вышла. Оставив дверь кабинета неприкрытой, сухо сказала:

– Проходите, но полковник сильно занят и больше пяти минут не сможет вам уделить.

– Этого вполне достаточно, – заметил в ответ Фомин и вошел.

За огромным столом сидел маленький круглый человечек. Фомин подумал: «Колобок из сказки, а не полковник полиции». Детектив, поздоровавшись, представился. Вместо ответного приветствия колобок показал пухлой рукой на стул.

– Прошу... Чем могу быть полезен?

Фомин предельно коротко, не вдаваясь в детали, рассказал о существовании дела, из-за которого он в Ирбите. Полковник, прищурившись, спросил:

– Кто-то из родственников обратился?

– Это неважно, господин полковник. Клиент и этого достаточно.

– Значит, официальным органам этот «кто-то» не доверяет, а вам...

– Простите, но я не уполномочен вести дискуссии.

– Зачем тогда пришли?

– Затем, чтобы органы проинформировать, не более того.

– Считайте, что информация мною принята к сведению.

Прощайте. Я сильно занят... Вот-вот начальство прибудет.

Фомин встал. Помявшись, решил-таки полюбопытствовать:

– Если не секрет, кто именно?

– Полковник Курбатов... Всё-всё... Прощайте.

Фомин вышел. Покинул управление не сразу. Поболтался в коридорах. Заглянул к оперативникам. Надеялся, наверное, увидеть кого-нибудь из знакомых, но, увы, никого. Оно и понятно: десять лет – не десять дней. Текучка большая, особенно в личном составе уголовного розыска. Закинул удочку насчет тайны исчезновения Дмитрия Низковских, о том, как идут поиски, но ребята, насторожившись, отказались говорить на такую скользкую тему. Что в этом деле такого страшного и секретного, что сыщики боятся и рта раскрыть? Кто и почему их застрашал? Надо бы найти ответы на эти вопросы, но Фомин не видит возможностей, как это сделать. Он – чужак и никто открываться перед ним не будет. Вот если бы... Кто-то из своих... Хотя бы из бывших, недавно ушедших на пенсию или уволившихся по причине идейных расхождений с начальством. Им-то терять уже нечего.

Возвращаясь в гостиницу, Фомин с удовлетворением констатирует тот факт, что приезжает его молодой друг, можно сказать, ученик, Курбатов, прошедший его школу. Может, перехватить? Встретиться как-нибудь? Отрицательно качнув головой, решает: нет, не стоит. Провинция. Начнет судачить и всё такое. Ему это надо? Нет, конечно, особенно в данный момент, на начальном этапе.

Он идет и недовольно крутит головой. В чем еще дело? Детектив пытается вспомнить что-то очень нужное для него, но не может. Детектив точно помнит: Савелий Иванович вчера говорил о ком-то или о чем-то, что представляет интерес

и должно представлять интерес для него, но в голове пусть. Вот придет в гостиницу и... Что дальше? Если бы была аппаратура при нем для просмотра или хотя бы для прослушивания вчерашней записи, то... Чего нет, того нет. Значит? Надо постараться хоть что-то восстановить в памяти, а уж потом... Поехал бы прямо сейчас домой к Савелию Ивановичу, однако... Он на дежурстве... И завтра будет на дежурстве. Если не вспомнит, то придется ждать четверга, очередного его выходного. Другого выхода нет.

Почему он не зафиксировал важный факт? А потому, что шла видеозапись, и острой надобности не было. А что, если поискать владельца ноутбука из числа постояльцев гостиницы? Обходить, что ли, номера? Нет, не пойдет: примут еще за афериста какого-нибудь.

С этим все ясно, но вот он должен и непременно сейчас позвонить Савелию Ивановичу. По поводу? Надо предупредить его, что был у Морозова. Фомин предполагает, что Морозов может позвонить бывшей жене Савелия Ивановича и рассказать о том, что исчезновением его сына интересуется уже не только полиция, а и частный детектив из Екатеринбурга, а та, узнав об этом, устроит истерику. А он? Не зная ни сном, ни духом, возьмет и выложится. Надо будет также предупредить, чтобы он всячески отнекивался от своей причастности к приобщению частного детектива к розыску. Звонок – минутное дело. Ничего не случится, если позвонит и отвлечет его на минуту.

Тусовщики

Вечер, кажется, свободен от визитов куда-либо или к кому-либо. А время командировочного – чрезвычайно ограничено. Командировочный не может себе позволить подолгу прохлаждаться здесь, поскольку дел невпроворот: не только служебных, а и домашних. Например, хозяйка, то есть Галина Анатольевна (или попросту Галчонок) вдруг загорелась ремонтом квартиры. Пора, говорит, входные двери поменять на более современные, а то перед соседями стыдно. Полы, дескать, нагрузок хозяина не выдерживают и противно поскрипывают. Наконец, балконное остекление, будто бы, не выдерживает никакой критики: у всех пластик, а у них деревяшки. Короче говоря, море бытовых проблем. Хозяин, слушая, обычно недоволено крутит головой и бурчит: «Проще квартиру поменять на более современную, чем устраивать эту возню». Галчонок в ответ: если, говорит, так богат и деньги некуда девать, то – флаг в руки, она, дескать, только за. Эти (тут хозяин обычно тяжело вздыхает) проклятые деньги: их никогда и никому не хватает. Он где-то читал, что богатейший миллиардер Билл Гейтс, будто бы, также недоволен доходами и хотел бы их удвоить, а ничего не выходит: вместо удвоения довольствуется мелочью – десятью процентами. Короче говоря, детектив решается окунуться в жизнь провинции и остаток дня протусоваться в каком-либо про-

двинутом ночном клубе. Зачем? Потянуло командировочного на приключения? Не такой он человек, чтобы баловством заниматься: и возраст не тот, и бабло не тянет карман. И тем не менее... Значит, надо. Выходит так, что посещение ночного клуба входит в его тактические планы. Какие? Ой, об этом знает только он один. А другим позволительно лишь строить предположения.

Было уже без четверти девять, когда командировочный появился в ночном клубе «Белый медведь». Почему так называли? А это лучше знает собственник. Не потому ли, что в окрестных лесах завелся хозяин Заполярья? Нет. Пожалуй, сам собственник белого медведя в глаза живьем не видывал. Если даже и видел, то только в Екатеринбургском зоопарке. А всё-таки почему? Обычная блажь «богатенького Буратино». Никто же не задается вопросом, почему в Перми, допустим, сгоревший ночной клуб назывался «Хромая лошадь»? Так и в Ирбите.

Кстати, о «богатеньком Буратино», то есть о собственнике ирбитского «Белого медведя». Им является не кто иной, как Игорь Шаманских⁹ (фамилия старинная и ведет свое начало, скорее всего, от слова «шаман»), которому сорок пять, который верен, как и отец, коммунистической идее; спонсирует местную кучку коммунистов, которые изредка появляются на площади, кричат и отчаянно машут красными флагами.

⁹ Подобные фамилии, оканчивающиеся не на «ин», «ов» или «ий», как обычно, а именно на «их» – есть особенность Ирбита и здесь встречаются на каждом шагу.

Откуда эти подробности? Ничего нового: детектив, не подготовившись хорошенько, никуда не ходит, тем более, не ездит. Знание местной специфики – его конёк. Между прочим, помогает. Раньше, точно, помогало. Как здесь? Заранее никто не знает. Вооружается детектив разнообразной информацией, так сказать, на всякий пожарный случай. Большая часть сведений может не пригодиться, но известно: много – не мало, вреда никакого.

Сегодня вторник, а не пятница и, тем более, не суббота, поэтому он рассчитывает, несмотря на элитность заведения, найти свободные места.

Командировочного на входе встретили два крепких молодых парнишки.

«Ага, – подумал детектив, – это и есть пресловутый современный фейсконтроль».

Детектив помнит, что лет тридцать назад сталкивался с подобными личностями, но между теми и этими преогромная разница. В советском ресторане кто встречал? Седенький старичок (этакий божий одуванчик) в золоченой ливрее, то есть швейцар, который с первого взгляда определял, нужен заведению сей гражданин или нет: если да, то – добро пожаловать, дорогой товарищ, и даже пылинки (в расчете на щедрые чаевые) с тебя сдует; но, не приведи Господь, коли обличьем не вышел, то – до свидания, мил-человек, мест свободных нет, и не предвидится на многие часы вперед.

Парнишки, критически осмотрев с головы до пят коман-

дировочного, не признав в нем своего завсегда, не знали, как в этом случае поступить, – пропустить или выдворить за порог? Что-то им подсказывало, что пришелец не абориген, скорее всего, оттуда, сверху, то есть из столицы Среднего Урала, но к какому сословию принадлежит? Вот этого определить не смогли и продолжали перегораживать собой проход. Потоптавшись (Фомин не хотел скандала, поэтому терпеливо ждал принятия парнишками решения, хотя легко мог сграбастать обоих и отставить далеко в сторону), переглянувшись многозначительно между собой, оба одновременно отступили в сторону.

Фомин удовлетворённо кивнул.

– Благодарю, ребяташки.

Те переглянулись. Им явно не по вкусу пришлась фамильярность посетителя. С другим они бы поступили в этом случае просто: за шиворот – и на улицу. Но тут... Кто знает, что за птица? К тому же смутили парнишек две очевидные вещи: солидная весовая мышечная (вовсе не жировая) категория, а также внушающие почтение кулачищи. С другим, да, не стали бы церемониться, но тут... Промолчали.

Гардеробщик (не в пример фейсконтролю) угодливо принял куртку гостя, встряхнул, потом щеткой удалил с нее невидимую пыль, повесил и, выдав пластиковую бирочку, продолжал все в той же позе, слегка склонившись в его сторону, выжидательно стоять.

– Благодарю, – сказал детектив и, достав из кармана по-

лусотенную бумажку, положил перед гардеробщиком.

Мгновенное движение его руки и купюра исчезла где-то внизу. Недовольно хмыкнув, гардеробщик повернулся к нему спиной. Очевидно, ожидал иные чаевые, а иначе не стал бы расшаркиваться перед этим бугаём.

Детектив, появившись в зале, где по его окружности стояли столики, а в центре – площадка, на которой раскачивалась и лениво подрыгивала худосочными ножонками золотая молодежь. К нему подошла средних лет женщина в униформе.

– Вы один или?.. – Спросила она, профессионально разглядывая клиента.

– Да, сударыня, один.

Женщина, очевидно, не так часто слышит слово «сударыня», поэтому на лице выразилось смущение.

– Пойдемте, – сказала она и повела Фомина в сторону левого полукружья. – Вот столик... Свободен...

Детектив не всматривался в сидящих за другими столиками, ибо никто его здесь не знает, и встретить никого не может. А напрасно. Фомин даже вздрогнул от неожиданности, когда услышал восторженный мужской голос.

– Александр? Вы ли?!

Повернув голову несколько вправо, он увидел улыбающегося ему Олега, соседа по автобусу, а рядом с ним – молодую милovidную женщину, похоже, жену. Фомин пожал плечами.

– Как видите... Не ожидал... Но мир, как говорится, на-

столько тесен, что можешь встретить знакомого там, где совсем не предвидишь.

Фомин выдвинул стул из-за столика, и собрался было присесть. Но Олег опередил.

– Садитесь с нами, а? Два места свободных, – встав, предложил он.

– Не хотелось бы стеснить супружескую пару.

– Что вы говорите, Александр! Нам будет, наоборот, приятно, – обратившись к жене за подтверждением, спросил. – Я прав, Ксюша? – та охотно кивнула в ответ. – Все в порядке. Проходите. – Олег торопливо и шумно стал выдвигать один из свободных стульев.

Фомин, подойдя, сказал:

– Принимаю предложение, но... – Последовала пауза.

– В чем проблема, Александр?

– Мне крайне неловко беспокоить вас... Заранее прошу извинить... Не могли бы вы, Олег, уступить мне ваше место, а?

Олег рассмеялся.

– Без вопросов, Александр. – Он, передвинув свои приборы, показал рукой на бывший свой стул. – Прощу!

Фомин присел. Оглядевшись, остался доволен: удобное место, видит почти весь зал, сам же остается несколько в тени.

Олег сказал, кивнув в сторону молодой женщины, которая внимательно разглядывала детектива:

– Супруга...

– Я так и понял... Александр... Будем знакомы...

Олег для жены пояснил:

– Вчера познакомились... Когда ехали в автобусе.

Ксюша, не произнеся ни слова, вновь кивнула. Олег, подняв руку, сказал, обращаясь к официантке:

– Девушка, сюда, пожалуйста.

Официантка подошла.

– Что-то будете заказывать?

Ответил Фомин.

– Полагается... Так... Бокал хорошего вина...

– Какого именно?

– Из крымских что-то есть?.. Недавно отдыхал в Севастополе... Пришелся по вкусу мускат черный Таврический... Есть?

Официантка замешкалась с ответом, а потом смущенно сказала:

– Прошу прощения, но это вино заказывать можно только бутылкой... Не бокалом...

– Но, красавица, для меня многовато... Пришел посидеть, а не напиться.

Она посмотрела на могучего Фомина и покачала головой.

– Вам не грозит... Тем более от такого легкого и приятного вина... Уверяю: вы получите удовольствие...

– Это так, но...

На помощь пришел Олег.

– Несите бутылку... Если что, то мы с женой ему поможем одолеть.

Фомин рассмеялся.

– Обещаете? – Олег кивнул. – В таком случае я согласен.

– На закуску что принести?.. Не хотите мясной салат по-ирбитски? Вам понравится.

– Только что и плотно поужинал.

– Но... как безо всего?

– Вы, красавица, правы... Так... Принесите к этому вину три плитки швейцарского шоколада.

– Какой предпочитаете?

– Полагаюсь на ваш вкус, красавица.

Официантка ушла и через минуту вернулась, неся на подносе бутылку вина, шоколад и три пузатых бокала.

Расставив и разложив принесенное, спросила:

– Налить?

Фомин торопливо ответил:

– Спасибо, не стоит... Как-нибудь с этим сами справимся.

Изучение

Фомин и его знакомые медленно, небольшими глоточками тянули вино. Олег болтал, а жена молчала. Молчал, преимущественно, и детектив, поддерживая застольную беседу лишь по необходимости и короткими фразами. Он всё слышал и всё видел. Его внимание привлекла шумная компания молодых людей, сидевших за сдвинутыми несколькими столиками напротив его, чуть слева. Фомин хотел казаться, что его никто и ничто особо из происходящего не интересует, но Олег что-то почувствовал. Он, став говорить на полтона тише, заметил:

– Золотая молодежь... Отрывается... Сынки богатых родителей... Бездельники. По восемнадцать-двадцать лет, а не работают и не учатся. Им это ни к чему. Предки, которых они называют «шнурками», обеспечили не только их, а и внуков... Нечестными деньгами обеспечили.

Фомин осторожно спросил:

- Кого-то из них знаете?
- Странный вопрос, Александр.
- Чем же странен?
- Жить в Ирбите и не знать? Невозможно.
- Если можно, познакомьте меня.
- Тот, что слева, рыжеволосый, во главе стола – сын предпринимателя Охлопкова... Юрием сына зовут... Сын совла-

дельца стекольного завода. Через человека, лицом к вам, та что постоянно хихикает, – Верка Ерофеевских, дочь главы городского законодательного собрания, точнее, бывшего главы, сейчас отец владеет всем ювелирным рынком. Будучи у власти, подмял под себя этот прибыльный бизнес... Так... Дальше... Маленький, но шустренький такой... Тот, который всё вскакивает и размахивает, привлекая к себе внимание, руками, – Вовка Протазанов, сын владельца нашего фармацевтического завода...

– Постойте, Олег... Завод по-прежнему специализируется по своему профилю?

– Да, конечно.

– Интересно, – задумчиво произнес детектив и покачал головой.

– Тут, Александр, исключительно интересный народ... О каждом многое горожане знают. Знают, но предпочитают молчать.

– Хм... Как же вы оказались в одном заведении с этими? – Детектив кивнул в сторону шумной компании.

– А куда пойти, Александр? Вот и вы тоже здесь.

– Что касается меня, то я по чистой случайности... Или, возможно, по необходимости...

– По какой такой «необходимости»?

– У командировочного свободный вечер. Скучно стало сидеть в гостиничном номере и пялиться часами в тусклый экран телевизора. Сказали, что неподалеку ночной клуб. Хо-

роший, дескать, клуб... И кухня отменная...

Олег кивнул.

– Что касается кухни, то это правда. Шеф-повар здесь золотой. Самородок. А вот что касается всего другого, то...

– Вы о чем, Олег?

– Слава у клуба дурная... Народ говорит, что клуб – злачное место ирбитских наркоманов.

Фомин переспросил:

– Злачное, говорите?

– Так говорят. Да вы сами видите, золотая молодежь не в адеквате.

Фомин согласился.

– Есть признаки...

– Еще бы, Александр. Посмотрите, как ведут себя? Здоровые люди не орут так и без причины дико не хохочут.

– Да, поведение молодых людей нельзя признать нормальным.

– Говорят, что в заведении кто-то торгует наркотой. Понимаю, что могут говорить все, что угодно, однако... Слушок идет, что наркотики утекают с завода.

– Погодите, Олег... Я что-то и когда-то слышал...

– Могли... Одна екатеринбургская газета писала. Пошерстили чуть-чуть, а потом опять тишина. Даже кое-кого осудили. Мелкоту всякую, а главари даже не успели испугаться.

Если бы Олег был повнимательнее к собеседнику, то заметил бы, что он покраснел и заподёргивал мочку лево-

го уха, что могло свидетельствовать, что командировочный стал нервничать.

Олег же продолжал:

– Странно, знаете ли...

– Что именно, Олег?

– А то, что не вижу в этой компании еще одного завсегда-тая... Он должен, по идее, быть среди них, но его нет.

– Вы о ком?

– О сыночке хозяйки элитного ателье. С месяц, а, возможно, и больше, говорили, что Димка, сыночек любимый мадам Сергиевских, повздорил с кем-то из окружения (возможно, не поделили наркоту), ссора переросла в драку и кто-то кому-то обещал большие неприятности. Слухи, а точных подробностей я не знаю. И особо не интересуюсь. Люди не моего круга... Мне до фонаря. Меня другие проблемы волнуют, как и на что свою семью содержать.

Фомин спросил:

– С кем оставили сына?

– Мы редко вылезаем из дому... А сегодня решили... Парнишку отвезли к моим родителям.

Ксюша вдруг встала из-за стола.

– Скоро десять... Пойдем... Сына пора укладывать.

– Может, посидим еще? Парнишку там уложат спать, утром заберем?

– Нет-нет, Олежек. У сына есть свой дом и своя кровать. А там... Опять зауросит. Пойдем.

Фомин встал вместе с ними. Олег спросил:

– А вам-то куда спешить?

– Хорошего, господа, – помаленьку.

Официантка увидела, что клиенты засобирались. Подошла и положила перед Олегом и перед детективом счета. Оба рассчитались и вместе вышли на улицу. Похолодало. Чему удивляться, если середина октября? Если есть повод для удивления, то лишь то, что все еще днем солнце пригревает и доводит температуру до плюс десяти, что для Среднего Урала и для этой поры чрезвычайно редко бывает.

Супруги пошли в одну сторону, а Фомин, поёживаясь, в противоположную, по направлению к гостинице, над которой сверкала неонем вывеска. Он идет и довольно цокает языком. У него появилась интересная информация. И благодаря кому? Едва знакомому Олегу, которого знает менее двух суток. Чудо? Возможно. Но если бы не его, детектива, гениально составленный тактический план, то, как самонадеянно, ёрничая над самим собой, считает Фомин, никакого чуда бы не произошло.

Травма

Фомин в гостиничном номере. Позднее время, но он не в постели. Он, задумавшись, сидит за столом и барабанит козонками пальцев по поверхности. Дело в том, что он только что получил травму. Не физическую, а душевную, но от этого ему не легче. Олег нечаянно открыл детективу глаза на историю, к которой он когда-то был непосредственно причастен, на историю, которая, оказывается, была кем-то размазана и благодаря этому не получила полного и справедливого разрешения. Прямой вины Фомина нет, однако травма, несмотря на истекшие одиннадцать лет, чувствительно засадила. Фомин самолюбив и любые неудачи – прямые или косвенные – глубоко переживает, долго казнит себя. Такой вот беспокойный у него характер.

Все верно: неудачи случались. Фомин, скажем, до сих пор считает лично своим серьезным просчетом тот факт, что не прислушался к своему внутреннему голосу, то есть к интуиции, которая настойчиво тюкала по мозгам: главари организованного преступного сообщества, известные в Екатеринбурге под кликухами «Хозяин», «Музыкант» и «Дикой»¹⁰

¹⁰ Персонажи первого авторского детективного романа «Псы одичалые», изданного несколькими издательствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.